

Необходимые монстры

Автор:

Ричард Кирк

Необходимые монстры

Ричард Кирк

Большая фантастика

Ламсден Мох – беглый вор и страстный библиофил. С детских лет он постоянно винит себя в трагической смерти своей подруги, Мемории, обладавшей странными способностями. Попытка отомстить судье, украв экземпляр редкой книги, оборачивается встречей с опасными людьми и получением не менее опасного задания.

Вместе с друзьями – Имоджин, странным существом Радужником и Умельцем Вороном – он отправляется на остров Козодоя. Это опустошенное место, отравленное в результате войны и геноцида – Чистки. Их преследуют криминальный синдикат «Красная минога», полицейские агенты и пугающая девочка-ведьма с кошмарным ручным монстром.

В фантастическом, еще не оправившемся от мировой войны мире, в котором технология сплетается с магией, Моху и Имоджин придется расшифровать тайны своего прошлого, чтобы открыть темное сердце проклятого острова.

Ричард Кирк

Необходимые монстры

Richard Kirk

NECESSARY MONSTERS

© В.Ф. Мисюченко, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Элайн и Эмили – с любовью

В память об Аллане Ките Лаве

Я – чёрная тень

хаоса, чей бледный лик пугает

небеса неразберихой.

Я – мрачная тюрьма,

я – траурный покров,

скрывающий бесплотное ничто

и суть его под крыльями таящий.

Педро Кальдерон де ла Барка[1 - Педро Кальдерон де ла Барка (1600–1681) – испанский драматург и поэт, чьи произведения считаются одним из высших достижений европейской литературы Золотого века. Стихотворение приводится в переводе с английского языка (прим. пер.).]

Головастик в банке

Мемория повернулась во сне. Руки и ноги ныли. Мох рисовался ей мальчиком из далеко-далеко ушедших лет. Этим обрезком памяти она отомкнула дверь в его сны и, незримая, вошла в них.

Два ребёнка сидели лицом друг к другу внутри запряжённой лошадьми кареты, разделённые лучом нежданного солнечного света. Моху, только что одолевшему свой одиннадцатый день рождения, было наказано сопровождать Меморию во дворец на Загульные Поля, где у неё в тот вечер было выступление. Они сидели на потёртых сиденьях, Мох – в чёрном сценическом костюме, Мемория – в чёрном платье. Окраска на кончике носа, подбородка и ушей делала её лицо ещё светлее. Перевязанные лентой волосы лежали сзади. Внешность Моху будто опалило горячим ветром. В его нечёсанных волосах свободно гуляли статические заряды. Под изломанными ногтями, будто прочерченная карандашом, пролегла полоска грязи.

Было далеко за полдень 29 октября. Погода стояла осенняя, но им не дали одеяла прикрыть колени: как бы наряды не испортили. Мемория сидела, положив руки в перчатках на закрытую книгу. Она сидела с закрытыми глазами, но не спала. Мох снял свои перчатки и пустил их на протирку запотевшего окна, чтобы получше разглядеть пса, быстро приближавшегося по траве размашистыми прыжками.

– Отчего, по-твоему, мы встали? – спросила Мемория.

– Пёс какой-то дорогу загородил, – сказал Мох. Кончик его носа вжался в стекло. – Он лошадей пугает. – От тепла кожи окно покрывалось дымкой, мешая видеть. – Громадный такой!

– В древних мифах пёс охраняет вход в подземное царство мёртвых, – сказала Мемория.

– Тогда чего ж он тут разбежался? – Мох скользнул по сиденью к окну на другой стороне кареты. – Он, похоже, бешеный.

– Кучер его отгонит. – Когда девочка говорила, дыхание её выходило белёсым облачком. – Скоро стемнеет, и я замёрзла. Хочется огня, чего-то на ужин и горячую грелку в тёплую постель. – Мемория открыла глаза. – Не хочу

выступать. Нестерпимо чувствовать, как они на меня смотрят. Всё равно что оказаться мотыльком на конце булавки.

С августа её самозванный опекун, Джон Машина, устраивал приватные сборища в гостиных Загульных Полей. За деньги, которые вскоре пропадали в его карманах, Мемории приходилось демонстрировать свой дар. Пока Джон отсиживался по тёмным уголкам залов с высоченными потолками, она заставляла воспарять в воздух камни, мраморные шарики или всяческие безделушки, какие предлагала публика. Каждый вечер ей приходилось терпеть, пока Джон Машина посыпал мукой её лицо и чернил ей глаза толчёным углём. Однажды он покрасил ей губы соком какой-то ягоды, от которого она заболела. Она остерегалась его нетерпеливых рук, грубых, с веснушчатой кожей и медными волосами, а особенно прикосновений выдавшего виды золотого перстня с тёмным рубином. Как-то, разомлев от коньяка, он рассказал ей, что этот камень – символ крови и выдает его принадлежность к «Красной миноге», тайному сообществу. Она видела такие же перстни у завсегдатаев своих выступлений.

– Я их презираю, – говорила она.

Мох, раздражённый, отодвинулся от запотевшего окна и повернулся лицом к Мемории:

– Если даёшь им, чего они желают, они только большего захотят. Ответ прост.

– Для тебя, возможно. Все ждут, чтоб ты был груб и вызывал разочарование. Ты неотёсанный мальчишка, и это означает, что мне приходится работать вдвое усерднее, чтобы у них не сложилось плохое мнение о Джоне. – Мемория сунула свою книжку в портфельчик из плотного картона.

– Кого волнует их мнение? – хмыкнул Мох. Он ногами крутил педали в воздухе. – У меня ноги скрипят в этих ужасных сапогах. Сниму-ка я их, пожалуй.

– Даже не смей, не то тебе ни за что не натянуть их обратно.

Мох откинулся на сиденье и уперся узкими мысами своих чёрных сапог в сиденье Мемории.

– Веди себя прилично. – Мемория швырнула в него подушечкой, но та отскочила на пол. Из-за стенок кареты донёлся голос кучера, правившего лошадьми. За ним последовал нестройный топот копыт и сильный храп. Карета дёрнулась назад, потом вперёд. Мох вовремя повернулся к окну и увидел пса, скакавшего прочь по широкой лужайке. Мемория, смотревшая в противоположное окно, следила, как неровная жилка декоративных садов проплывала мимо кареты, кренившейся из стороны в сторону на неровной дороге. За поворотом в поле её зрения оказался дворец, куда им предстояло наведаться. Карету тряхнуло, и Мемория вновь обратила взгляд на сады и деревья.

– Он угробить нас собрался, что ли? – Мох вцепился в сиденье.

Мемория не ответила. Весь день ей нездоровилось. Восприятие её будоражила подступавшая мигрень. В отличие от Мох, замкнутость кареты её успокаивала. Болтовня Мох не знала удержу. Мемория придерживала язычок, понимая, что его пугает предстоящее представление и присутствие лощёной публики. Во время неспешного передвижения кареты по Ступени-Сити она пробовала читать, она любила читать на отдыхе, но из этого вовсе не следовало, что за чтением ей было легче достичь желаемого состояния. Глаза скользили по строчкам текста, вынуждая её вновь перечитывать предложения, тут же отвлекаясь на какое-нибудь замечание Мох. Она попыталась уснуть, но неистовый парад образов в её умственном взоре лишь ещё сильнее портил настроение. Она жаждала избежать представления, хотела, чтоб её отправили в её комнатку, где можно было незаметно воспользоваться своим лекарством от головной боли.

– Как-нибудь на днях я напишу твой портрет, – произнёс Мох. – И выйдет на нём не улыба косоглазая, так что все узнают, с чем мне приходилось мириться.

– Как-нибудь на днях я поведаю тебе тайну, которая упечёт тебя в сумасшедший дом, – прошипела Мемория. Мох обиженно уставился на спутницу, пока не в силах был больше выносить её пронзающих душу глаз, и отвернулся. Она взяла его за руку.

Мемория подставила банку из-под варенья под солнечный свет июня. Они были позади старого дома, называвшегося Благоуханным Стоком. Годом раньше Джон Машина поселил её тут вместе с Мохом и его матерью. Головастики извивались в зелёной воде, сильно располневшие даже за минувшие два дня.

– Будто они думают, что как-нибудь на днях, если будут всё время стараться, сумеют проплыть прямо через стекло. Они не понимают стекла. Для них оно чудо.

Мох, который не сводил с Мемории глаз и которого ни на миг не интересовали головастики, кивнул. Лицо Мемории всё ещё было тощим от приступа лихорадки, но тёмные круги под глазами исчезли. Волосы её рассыпались по обгоревшим на солнце плечам и по бретелькам купальника.

– Итак, – произнесла Мемория. И опустила банку.

– Итак?

Мемория состроила гримасу, стараясь открутить у банки крышку.

– Сегодня в Головастии большой день. – Рука её соскользнула с тугой крышки, взбаламутив воду и распугав головастиков. Девушка всучила банку Моху: – На, сможешь?

Мох взял банку и повернул крышку. Она открылась с громким хлопком.

– Отпусти их, – сказал Мох, лицо которого выдавало беспокойство, как бы Мемория ни наделала чего-то жуткого. Она же взяла банку и улеглась животом на тёплые мостки. Опустила банку в воду канала по самую кромку стекла. Мох улёгся рядом. Она заметила, как он разглядывает зажившие шрамы, опоясывавшие её руки. Мох перевёл взгляд на банку. Он никак не мог набраться смелости и расспросить её о шрамах. Головастики по-прежнему тыкались в стекло, пока один из них, большой, не добрался до кромки и не скользнул в канал.

– Ах ты умница, – похвалила Мемория. Ещё несколько секунд – и банка опустела.

И вновь наступил октябрь. Джон Машина и Мемория сцепились. Она убежала, и Джон гнался за ней до самого края города, где тот выходил к морю. Мох бежал следом, негодуя на Джона и тревожась за Меморию.

Мемория добралась до конца дорожки у Радужного моря и забралась на волнолом. Она боролась с ветром, чтобы держаться прямо, вцепившись рукой в парасейл, как можно дольше, а вокруг неё кружили чайки. Порыв ветра заставил её покачнуться. Мемория вскрикнула. У Муха дыхание застряло в горле. Девушка выпрямилась. За ней о дно пятидесятифутового[2 - Чуть более 15 метров (прим. пер.).] обрыва бился океан. Следя за приближением Джона, она стояла в привычной своей странной стойке, слегка расставив сведённые в коленях ноги и положив руки на бёдра. Джон взревел. Мемория закричала в ответ, поводя руками. Несмотря на опасность, Мух не сдержал улыбки. Он понял, что произойдёт дальше: сам много раз оказывался мишенью. Пригоршня камешков, рассыпанных по волнолому, зашевелилась, как жуки-щелкуны, которых он держал в банке под домом.

– Не смей, – выговорил Джон, шагая вперёд. – Я тебя предупреждаю. – Камни взлетели в воздух. – Мемория, ты пожалеешь. – Словно в ответ, камни полетели в него.

– Чёрт побери! – Джон остановился, не дойдя до неё дюжины шагов, на его коже появились ссадины. Вскинув руки, чтобы прикрыть лицо, он развернулся прочь. Камни отскакивали от верхней половины его тела и скапливались у его ног. Мух ощутил укол жалости. Джон был одет совсем не по погоде. Полы поношенного пальто хлопали его по коленям. Носки сползли, обнажив голые лодыжки. От недавней стрижки на шее пониже затылка осталась полоска поцарапанной кожи – трогательность этой детали кольнула Муха.

– Я с вами не пойду, – кричала Мемория. – Не желаю я жить с этим уродом.

– Да ладно, – произнёс Джон. – Никто не просит тебя делать больше твоей доли. Ты что думаешь, еда твоя бесплатная? А платья? Этот человек – наш благодетель.

– Лжёте. Вы никогда не спрашивали, что мне нужно.

– Пойдём возьмём по чашке какао и разумно обговорим это? – Джон потихоньку двинулся вперёд. Поднял руки, развернув ладони.

– Не хочу. Вы что угодно наговорите, чтобы вышло по-вашему.

– Мы все должны вносить свой вклад, голубка. Ты ничем не лучше. Тебе надо отрабатывать своё содержание, как и всем остальным из нас. – Голос Джона звучал всё спокойнее.

Моха теперь отделяло от них всего несколько шагов.

– Не слушай! – крикнул он.

Мемория взглянула на него. Он всегда благоговейно трепетал перед её необычайными бледно-голубыми глазами. Уголки рта Мемории опустились. Время замедлилось. Лицо Моха горело от конфуза при мысли, что она понимает чувства, какие он никогда не смел открыть.

– Что? – прошептал он. Словно бы только они вдвоем стояли там. – Мемория, что? – Та изумлённо поводила головой. Она разгадала его тайну. В этом он был уверен.

– Убирайся с волнолома, – прохрипел Джон голосом, сорванным слишком большим количеством выкуренных самокруток. Он наставил на неё весь в охристых пятнах палец. – Если не уйдёшь с этой стены, то я тебе так врежу, что неделю в себя приходить станешь.

Чары спали. Со стороны Мемории взлетел ещё один камень. Мох поморщился от вида резкого удара Джону в голову. Рука с рубиновым перстнем прижалась к побелевшему пятну на лбу. Когда он отнял руку, то по складке кожи на лице по капельке засочилась кровь.

– Ах ты сучка мелкая, – сказал он. И метнулся к ней.

Мох вскрикнул, когда Мемория отпрыгнула назад на одной ноге на самый край волнолома. Быстрота была на её стороне, но на стороне Джона – сила. Он схватил её за лодыжку, отчего она, пронзительно взвизгнув, повалилась на бок. Джон отбивался от бешеных ударов её свободной ноги. Мох бросился Джону на спину. И замолотил кулаками по голове и плечам мужчины.

– Отпустите меня. Отпустите меня, – выкрикивала Мемория.

Джон, обернувшись, ухватил свободной рукой Моху за волосы и заставил того сползти в сторону.

– Держись от этого в сторонке. – Джон вновь обратился к Мемории.

Он шлёпнул её ладонью по лицу и велел заткнуться. В ответ девушка замолотила ногами. Обутая в сапог пятка врезалась Джону в лицо. Он отшатнулся, прикрыв рукою глаз и выпустив ногу Мемории. Та вскрикнула – и потом её не стало. На Моху навалилось ощущение, какого он никогда прежде не испытывал. Чёрное и непреклонное, оно забиралось ему во все органы под ребрами. Кожу на макушке закололо – это кровь стремительно отливала от головы. Моху хотелось, чтобы стошнило. Джон растянулся на волноломе, хватая руками воздух, словно бы Мемория вдруг стала невидимой. Мох поднялся на ноги, но он только и мог, что стоять со сжатыми кулаками.

– Нет, нет, нет, – вопил Джон. Он бегал взад-вперёд по волнолому, не веря, заглядывая вниз через каждые несколько шагов. В том месте, откуда упала Мемория, Джон подобрал что-то и зажал в кулаке. Он повернулся к Моху. Белые, без кровинки, губы его тряслись.

– Видишь, что ты натворил? Это твоя вина, мерзавчик ты мелкий. Твоя. – Джон схватил Моху за руки повыше локтей и затряс его. Моху показалось, что у него зубы застучали. – Что ты ей наговорил? – Джон ударил юношу, у того голова пошла кругом. – Ты хоть знаешь, что ты мне устроил? Знаешь? Ты разорил меня.

– Надо найти её. – Мох попробовал вырваться.

– Мне конец, – проревел Джон. – Уж лучше бы там внизу оказался ты.

Лицо Джона было в нескольких дюймах. Рыжая щетина с сединой, с потёками застывшей крови, зубы его, все будто из слоновой кости, кроме одного, серого, налитые красным глаза – всё это врежется в память Моху навсегда. А где-то в одном тихом уголке разума, пока он вырывался из хватки Джона, обосновалась мысль: «Мне следовало бы сделать больше. Это я убил её».

Джон Машина был прав. Мох всякое наговаривал Мемории. В то утро, проснувшись, Мох видел, как Мемория разглядывает его из-под натянутого на голову одеяла. Он узнал, что прошлым вечером её отвезли на встречу со странным человеком, который разговаривал с нею, укрывшись за ширмой. После просмотра её дара незнакомец спросил, не согласится ли она поехать и жить с ним в его дворце на Загульных Полях. Он говорил, что она достойна образования, лучшей жизни, и обещал ей и то и другое. Пока Мемория лежала, откинувшись на кучу запятнанных подушек и пила чай, Мох убеждал, что именно к такому и приводит её излишняя готовность демонстрировать свои способности. Предложение незнакомца – это западня. Чем больше она станет ублажать его, тем скорее его любопытство обернётся скукой, а то и похуже – скотством. И будет она горе мыкать. Предостерегая, Мох исходил из добрых побуждений, однако он и привёл в движение всю цепочку трагических событий. Когда ближе к вечеру приехал Джон – с тяжкого похмелья, а потому и в дурном настроении, – Мемория ехать с ним отказалась. В гневе он больно схватил её за руку, но Мемория выскользнула и убежала из дома.

Мох просидел на краешке волнолома до рассвета, заоченев от холода и потрясения от случившегося. Когда волны ударялись о стену, брызги поднимались перед ним, словно на дне морском разрывались бомбы. Водовороты, вихрящиеся у основания, и пространства гладкой воды создавали представление о разрушенном дворце в глубине. У Мох в сердце болью отдавалась мысль о теле Мемории, предоставленном милости холодной воды. Никто не пришёл. Мох понимал: причастность Джона означала, что не будет ни полиции, ни спасателей, осматривающих тёмные воды с гирляндой фонарей. Мох попробовал набраться мужества и соскользнуть со стены. Он представил себе, что чувствуешь, когда летишь в море. Одно удержало его от такого поступка: мысль о том, что, возможно, Мемория уцелела. Ему вспомнился головастик. Может быть, ей удалось ускользнуть. Чем больше он размышлял об этом, тем крепче делалась его уверенность. Она ведь как-никак была умницей.

Дым

Пегий ворон смотрел вниз на остров Козодоя. Скоро зима. Тучи станут закрывать небо по многу дней за раз, а лес внизу выбелит снегом. Сейчас воздух ещё

тёплый, и ворон наслаждался каждым мигом этой благодати.

Два дня назад ветер обнажил деревья. Этим утром солнечный свет мозаикой разбежался по лесной почве. Вереница белохвостых оленей двигалась по тропе, выискивая опавшие яблоки и проросшие грибы. Почву устилала листва с кустов сумаха, белых берёз, дубов, трепещущих осин и клёнов. В памяти ворона их названия всплывали строками поэзии. У вечнозелёных деревьев названия тоже имелись: лиственница, чёрная сосна, чёрная ель, пихта, красно-пёстрая сосна. Мальчик – тот, кого женщины обителю звали Монстром, – как-то выговаривал эти названия вслух, стоя во дворе в снегу, слой которого поднимался всё выше и выше. А он тем временем делал рисунки в книге заострённым кончиком одного из перьев ворона. С чернил сдувались падавшие снежинки. Глухая Смотрительница по особому повелению обителю стояла, трясясь, рядом и держала бутылочку с чернилами в озябшей и дрожавшей руке. Ворон слушал и запоминал названия, поскольку у него была великолепная память, вот только он не ведал, какое название к какому дереву относится. Олени в веренице стали неопрятными, пока мордами рылись в засохших сучьях и стручках. Названия. Слова. Они легко вылетали изо ртов людей и монстров. Их значения наделяли тех силой надо всем вокруг.

Ворон взмыл повыше, сведя под углом крылья, чтобы воспользоваться восходящим потоком. Воздух вжимал ему перья в череп. Он каркал, не ведая для этого никакой иной причины, кроме ликования от славного утра, и половчее перехватил зажатую в когтях дергающуюся мышь. На левой лапе ворона не хватало одного пальца, движение остальных дало мыши удачную возможность. Она сплющила своё тельце и, будто в песок обратившись, выскользнула. Следя за стремительно падающим грызуном, ворон вслед за восходящим потоком с ленцой воспарял по плавной дуге. Потеря его не огорчила и не вызвала желания броситься вдогонку. Мышей тут пруд пруди.

На северной оконечности острова лес отступил, уступив место лугу, а потом и твёрдому подпочвенному слою, где мало что росло, одни лишайники. За бесплодной пустошью, перемежавшейся оттенками голубого, виднелся опустевший город Абсентия. Город казался безжизненным, но ворон налетался среди изваянных ветром куполов и башен, насмотрелся на удушающий плющ, жимолость и паслён. Видел он и уцелевших после Чистки, число которых убывало с каждым годом, отыскивающих хоть что-то полезное среди руин. Абсентия, заброшенная и порушенная, не отвечала настроению ворона в такое утро. У него было легко на сердце, и с тем большей радостью обратил он взгляд

на запад.

Там бурный поток воды отделял остров Козодоя от материка. Вдоль побережья лес обрывался редким мелкоколесьем или зарослями кустарника и заканчивался буграми известняка. У подножия утёсов, на разбитых плитах скал, как дома, обосновались тюлени и бакланы. Испытывая пределы собственного зрения, ворон различил пейзаж на той стороне пролива и ощутил знакомый позыв слетать туда. Мечтания его были прерваны. Что-то неожиданное появилось в воздухе, дымком пахнуло. Ворон повёл головой, осматривая лес. Он летел над находившимся в низине центром острова, громадным кратером, где дождевая вода скапливалась на богатой глинами почве и затопляла целые акры[3 - Акр равен 0,4 га, сорока «соткам» (прим. пер.)] земли. Охваченный любопытством, ворон подобрал крылья и расправил перья хвоста.

Стремительно пролетев меж деревьев, ворон оказался в ином мире. Здесь воздух был тяжёлым от грибковой сырости. Путавшиеся ветви и отблески солнца в лужах мешали видеть. Он плавно скользнул над конной повозкой, колёса и оси которой были заляпаны грязью. Секунду спустя она скрылась за ним. Пока ворон летел через лес, запах дыма усилился. Для ворона шла уже пятнадцатая осень. Крылья его были по-прежнему сильны, и он гордился этим. Он грациозно двигался в лабиринте ветвей, ставившем в тупик птиц помоложе, не обращая внимания на грызунов, рассеянных среди корней, и на предостережения голубой сойки. Теперь дым уже окружал его со всех сторон голубоватой, едкой и тёплой пеленой. Он нырнул под дым. Заметив впереди какое-то движение, слёту уселся на ветку дерева с мягким хлопком крыльев.

Любопытство повлекло ворона забраться в ту часть леса, где его от страха пробирала дрожь. Тут стояли старые громады деревьев, укутанные мхом, заглушавшим все звуки. Вода скапливалась в углублениях от упавших ветвей, а корни пробивались из-под земли. Почва здесь возвышалась над окружающей местностью и образовывала островок посреди болота. Из неразберихи крыш поднималось, отбрасывая непроглядную тень, наглухо закрытое строение. Оно было известно как Глазок и служило темницей Монстру с самого его насильственного вывоза в конце войны. Это было несколько лет назад. Ворону ничего не было известно о судьбе Монстра. Знал он только, что мальчик влачил жалкое существование после короткой расправы над членами обители, которых и без того становилось всё меньше. Солдаты, рвавшие поскорее убраться из этого проклятого места, во время погрома проглядели его. Умер ли Монстр, не выдержав наступившей суровой зимы, или отыскал какой-то способ сбежать с

островка, узнать было невозможно. Ворон сознавал, что его это так удручало, потому что дар сознания Монстра, полученный им в один прекрасный день с нежным касанием, был как лепесток цветка.

Дым валил из кирпичной печки. Треск и шипение горящего дерева раздавались ближе, чем стояла печка. Сложенная конусом, она была вычернена сверху и покрыта пятнами лишайника у основания. Бетонные стены, расходившиеся от основания и исчезающие в густых зарослях смертоносной белладонны, были знаком некогда более значительного промысла. Возле трубы в кучу были свалены омертвевшие ветки, зелёный слой поверх одной из них был гораздо толще и темнее. Рабочее место окружали мешки и деревянные колоды, железные инструменты и горки битого зелёного стекла.

Какая-то девочка открыла дверку печки, равнодушно восприняв и хлынувшую волну жара, и целый сноп искр. Рядышком на стене были усажены семь кукол в человеческий рост с вывернутыми вовнутрь коленями, на каждой кукле была маска какого-нибудь животного. Ворон узнал фигуры птицы, лисы и лягушки. Эти были причастны к его миру. Остальные вызывали у него беспокойство. Уставившись в разные стороны, сидели четыре вызывающие тревогу куклы, сочлененные из нескольких существ – со сплюснутыми рылами, несколькими глазами и оскаленными зубами, ничуть не менее страшными оттого, что были вырезаны из дерева. Хотя никакого кукловода видно не было, руки и ноги у этой четвёрки дергались. Перед ними лежала, тяжело дыша, чёрная собака, свесив большой язык черпаком. Девочка к куклам и их подергиваниям была так же равнодушна, как и к жаркому дыханию огня.

На ней был повязан кожаный фартук поверх рваного платья, ноги обуты в заляпанные грязью сапоги. Спутанные чёрные волосы были перевязаны сзади полоской ткани. Она сунула в огонь трубку для выдувания, повертела несколько секунд в раскалённых углях, потом вынула обратно. С конца трубки свисала капля расплавленного стекла. Ворон, бочком пройдясь по ветви, сел, склонил голову и следил за всем своим глазом-бисеринкой.

Девочка повернулась, щурясь от дыма. Забираясь на пень, она что-то шептала про себя. Держа трубку отвесно, опустила стекло в отверстие стоявшей на земле деревянной формы. Она дунула в конец трубки, и из щелей формы повалил пар или дым. До ворона долетел запах горелого вишнёвого дерева, и он ощутил приятное волнение в груди. Трубка отвалилась, оставив струйку дыма. Вновь зашептав, девочка дала ей упасть в грязь и сошла с пня. Опустилась на колени

перед формой и разделила две её половинки, высвобождая стеклянную отливку. Та походила на большую куколку мотылька. Стекло корчилось, как живое, пока девочка извлекала его щипцами, снятыми с пояса фартука. Ворон каркнул и подскочил на ветви. Не смог удержаться. Она, не удостоив его взглядом, понесла чудо-отливку обратно к печке, где положила на выступ для остывания.

Что это такое? Куколка присоединилась к нескольким другим небольшим корчившимся стеклянным куколкам. От всех до единой исходило радужное сияние, и все до единой вызывали неодолимый соблазн. «Прелестная добыча», – подумал ворон. Он бочком прошёлся ещё дальше по ветви, помахивая крыльями для равновесия. Одна куколка была ближе других к краю. Так и казалось, она манила его к себе – иллюзия, порождённая возбуждением, – несомненно. Девочка вернулась к пню и теперь сидела на нём, спрятав лицо в почерневшие ладони, словно опустошённая своей работой. Фартук она сбросила на землю. Воспользовавшись тем, что она отвлеклась, ворон взлетел и в три нарастающих маха одолел поляну. Уселся на выступ и клювом схватил предмет. Стекло звякнуло о кирпичную кладку.

– Нет! – завопила девочка, вскакивая на ноги. – Глупая птица!

Ворон, вор-умелец, уже взмыл в воздух. Он хлопал крыльями, пробираясь среди деревьев. Однако с самого начала что-то пошло не так. Куколка была тяжелее, чем казалось, и сбила у него центр тяжести. Ворон ошибался в движениях и дважды едва не уронил добычу. Сердитые крики девочки преследовали его, но потом они прекратились: ворон вылетел из леса на простор. Ещё несколько взмахов унесли его подальше от Глазка. И вот, только снова взмыв в громадный свод неба, он понял, что там, в лесу, что-то сгущалось в воздухе над стеклянными куколками. Теперь он уразумел, что девочка творила призывающую волшбу. Во что он ввязался?

– Эхо, – обратилась девочка к сгущавшемуся воздуху на поляне. – Эхо, теперь тебе законченным не быть никогда.

Сгусток, нараставший вокруг стеклянной куколки, втягивающий в себя всякую лесную шелуху, листья, кусочки оборванных осиных гнёзд, отзывался голосом ревущего огня:

– Элизабет, отмени это. Переделай меня.

Элизабет засмеялась:

– Рада бы, да не смогу. Ты должен быть целым, чтоб тебя разобрать, а эта глупая ворона утащила твоё сердце.

Воровка

Книжечка «Певчие птицы острова Козодоя» была небольшой. Мох извлёк её из музейной витрины и провёл пальцем по рельефному рисунку обложки: головка чертополоха, склонившаяся под тяжестью певчей птицы. Досужие руки давным-давно стёрли всё золото. Мох раскрыл книжку, поморщившись на протестующий треск переплёта. Форзацы и титульная страница покрылись бурыми пятнами. «Посвящаю С., посланнице снов».

«Странно», – подумал Мох. Ему казалось, что он осведомлён о нескольких людях, сыгравших значительную роль в жизни автора. «С.» была загадкой.

Предоставленная самой себе книжка раскрылась на заляпанном изображении какого-то растения. Смертоносная белладонна (*Atropa belladonna*) в изобилии росла вдоль стен брикскольдской тюрьмы. Мох замер, осмысливая значимость изображения. Автор из корня этого растения готовил себе чай, надевая себя волей, упразднить которую была не в силах никакая власть. Пальцы Моха прошлись по книге. Гравюры покрыты папиросной бумагой. Выпуклый шрифт можно читать едва ли не кончиками пальцев.

По другую сторону витрины вздыхал и позвякивал связкой ключей господин Крачка, главный хранитель коллекций. Мох открыл глаза, ожидая встретиться со взглядом Крачки, но какая-то молодая женщина, проходившая поодаль, отвлекла хранителя. Не смотрела ли прежде эта женщина на Моха? С уверенностью не скажешь: она слишком быстро отвела от него взгляд. Почувствовав, что надзора за ним нет, Мох сунул книжку себе в пальто, а оттуда извлёк точную её копию, над которой трудился всю прошлую неделю. Раскрыв новую книжицу, он шумно захлопнул её.

– Вы нашли то, что искали, господин Лес? – спросил Крачка, вновь обратившись к Моху. Он глянул на часы и провёл рукой по лысеющей голове, словно бы потерял шляпу.

– Да, благодарю вас. Несомненно, это первое издание с автографом. – Мох осторожно вернул книгу на витрину. – Дело досадное, но страхователь настоятельно требовал, чтобы размещение книги было подтверждено лично. Приношу извинения за неудобство.

Крачка пожал плечами. Опустил стеклянную крышку витрины и запер её.

– Позвольте ещё раз выразить нашу сердечную признательность судье Сифорту за его щедрое позволение выставить книгу в Музее. – Хранитель отошёл. – А теперь, с вашего позволения, я должен идти на заседание правления.

– Разумеется, – улыбнулся в ответ Мох. Крачка повернулся кругом и пошагал прочь. Мох глянул на перед своего пальто, убеждаясь, что на нём нет никаких подозрительных выпуклостей или складок. Их и быть не могло. На то, чтобы вшить карман и поупражняться в ловкости движений, необходимых для кражи книги, он потратил почти столько же времени, сколько и на создание точной копии.

Центральный зал Музея естественной истории величиной не уступал самолётному ангару. Даже подвешенному скелету полярного кита, казалось, не доставало размера, чтобы подчинить себе всё пространство. Напротив входа на мраморном полу располагалась стойка обслуживания посетителей. Настенные росписи, искрясь цветением, окружали проходы на парадную лестницу, ведущую на галереи с выставленными коллекциями. В этот час народу вокруг было немного. Группа служащих Музея шёпотом переговаривалась за стойкой. Посетители расхаживали по залу или сидели в креслах, обмахиваясь выставочными каталогами. Никто не обращал на Моха внимания, когда он задержался у колонны, чтобы справиться с волнением.

Уверенный, что его кража не будет обнаружена, Мох решил подождать, пока погода прояснится. Прибыв в Музей час назад, он всего на какие-то мгновения опередил дождь, и теперь у него была практическая причина – и даже обязанность – не мокнуть под струями с небес. Рисковать тем, что книга намокнет, он не мог. Побывав в туалете, где Мох обернул книгу в ткань и переложил её в сумку с наплечным ремнём, он решил убить время и наведаться к литографиям жуков.

Зал специальных коллекций Общества колеоптерологов, или зал жуков, находился в самой глубине здания. Мох повернул влево и пошёл вдоль стены под вереницей портретов. У основания лестницы он заметил карту мира, прикреплённую на доске объявлений. Надпись приглашала посетителей воткнуть булавку в место своего рождения.

Он искал места, куда жизнь забрасывала его до сих пор. Гнетущее получилось занятие. Начать с того, что он никогда не покидал континент Ирридия. Мох взял с тарелочки под картой латунную булавку и воткнул её в Ступени-Сити, линияющий синяк на северо-восточном побережье континента. На сантиметр севернее палец его упёрся в Трубный институт, где он, молодой двадцатидвухлетний человек, будучи доцентом, преподавал литературу. В двух сантиметрах над институтом и чуть-чуть левее находилась брикскольдская тюрьма, куда после краткой преподавательской карьеры он был заключён и откуда через двенадцать лет сумел вырваться на волю.

Мох отступил, огорчаясь, что, возможно, за всю свою жизнь увидит лишь крохотную часть мира. Будучи беглым, он обитал в иного рода тюрьме, стены которой складывались из отсутствия официальных печатей, документов и паспортов. Положение и впрямь гнетущее; только день придёт, и он вырвется на свободу так же, как вырвался на волю из брикскольдской тюрьмы.

Он взбирался по лестнице, вновь обдумывая порядком обветшалый план убраться из этого города навсегда, скажем, в трюме грузового судна. Это позволило бы начать всё сызнова на другом континенте, где никто бы его не разыскивал и где старые воспоминания оказались бы похоронены под новыми свершениями. Друг Моха, Радужник, наловчился путешествовать тайком. Радужник перенёс опасности и лишения, которые человека послабее прикончили бы, такие, какие Моху страстно хотелось испытать на себе. Наконец Мох добрался до дверей зала жуков и обнаружил, что те закрыты.

Положив свою сумку на пол, он принялся дёргать дверные ручки, хотя вполне видел в окошко, что зал пуст. Единственным источником света был эллипс, отбрасываемый настольной лампой. Мох расстроился. Мальчиком он с увлечением собирал златок, жуков-древоточцев, будто отлитых из металла. С литографиями придется подождать. Поворачиваясь, чтобы уйти, он столкнулся с молодой женщиной в пальто цвета ржавчины. Та обошла его, склонив голову, что-то бормоча. Та самая женщина, что отвлекла господина Крачку. Поражённый, Мох смотрел ей вслед, пока она не сошла с лестницы. Покачав

головой, он пустился обратно той же дорогой, только теперь поступь выдавала в нём большую задумчивость. Войдя в центральный зал, он сообразил, что не несёт сумку. И понял, что произошло. Женщина была воровкой. Столкнулась она с ним, чтобы отвлечь внимание. Повернулась к нему спиной, и это помогло скрыть его же сумку. Воровка в миг единый утащила книгу, для кражи которой ему потребовались недели планирования и подготовки. Он помчался обратно вверх по ступеням, чтобы своими глазами убедиться в том, о чём предчувствие его уже уведомило.

«Думай, думай», – повторял он, в холодном поту расхаживая у дверей зала жуков. Неужели она сразу же ушла из Музея? Наверняка опасалась быть замеченной и изобличённой. Если только не видела, как Мох совершил кражу: в таком случае знала бы, что он никогда не пойдёт на риск прилюдно обличать её. Скорее всего, едва убедившись, что в сумке нет ничего явно ценного, женщина выбросила её. На взгляд необразованный (а Моху приходилось надеяться, что воровка действовала наудачу), украденная книга ничего примечательного собой не представляла. Избавившись от сумки, женщина вполне могла остаться попытать удачи среди предвечерней толпы, уже повалившей в Музей. Мох понимал: такая вероятность – его единственная надежда. Если она подтвердится, тогда нужно отыскать брошенную сумку до того, как её принесут к столу находок или обнаружит кто-то из музейных сотрудников.

Час спустя он стоял, выжидая, в музейном зале времени, стараясь никак не выделяться из толпы. Он прошёлся по галереям коллекций, заглядывая в урны и под сиденья. И при этом внимательно выглядывал воровку. Мох никак не мог избавиться от ощущения, что та только-только покидала залы, куда он входил, что они вдвоём играли в какую-то свою игру посреди ничего не замечавшей толпы. Убедившись, что женщина не бросила сумку ни в каком из подходящих для этого мест (было начало рабочего дня, и урны заполнены мало), Мох сообразил, что для него, возможно, будет лучше оставаться на одном месте, чтобы отыскать воровку. Нужен был предлог, и он купил в сувенирном ларьке небольшой блокнот и ручку. Потом поднялся на место перед смонтированным скелетом птерозавра, откуда хорошо был виден весь зал.

День был уже в разгаре. Он начинал думать, что женщина всё же убежала. Зал гудел голосами, воздух сделался липким от сырости намокшей под дождём

одежды. Рисуя, Мох оставался настороже. Рисовальщиком он был неважным, но то была простая и убедительная роль: натуралист-любитель, у кого больше энтузиазма, нежели таланта. Она делала его невидимкой. Подтверждением (если оно требовалось) служили многочисленные толчки от толпы, напиравшей на бархатные канаты, которые ограждали экспонаты. Мох трижды набросал один и тот же скелет, оглядывая толпу всякий раз, как поднимал взгляд. И вот она появилась – так неожиданно, что сердце ёкнуло, когда он её узнал.

«Вот ты где», – заметил он про себя. По откровенному взгляду женщины было понятно, что она увидела его первой. Наверное, всё время знала о его местонахождении и лишь сейчас – по каким-то своим соображениям – открылась. Он оставался недвижим, встретившись с ней взглядом через барьер из скреплённых костей. Она пробралась назад через толчею – и пропала. Мох сделал вид, будто вернулся к рисованию. Сомнений не было: она ещё покажется. Рисуя, он хмурился, втягивал щёки. Поднял взгляд, всматриваясь в медленно перемещавшуюся толпу посетителей. Среди них её не было. Он закрыл блокнот, заложив ручкой страницу, и отправил его в карман пальто. Кто-то толкнул его сзади в плечо. Мох глубоко вздохнул, прежде чем повернуться и увидеть её, стоявшую в нескольких шагах. Лямка его сумки была закручена вокруг её руки.

– Погодите, – сказал он. – Давайте-ка кое в чём разберёмся.

Во взгляде её карих глаз сквозила забава. Мох потянулся к ней, но она увернулась от его руки. И побежала, набросив лямку сумки на шею. Мох пустился вдогонку, проталкиваясь среди людей. Он почувствовал, как по мере его продвижения толпу всё больше разбирало любопытство.

– Ничего особенного, – бормотал он, – вскидывая руки. – Мои извинения... простите... пожалуйста. – Он переступил через канат ограждения выставленного диплодока и, не обращая внимания на окрики охранника, быстро направился через весь зал. Глаза выискивали пальто цвета ржавчины. Наконец увидел, как женщина бежит вверх по лестнице, его сумка при каждом шаге молотила её по спине. Этот путь вёл в центральный зал и к выходу из Музея. Топот сапог охранника приближался. Мох нырнул в толпу удивлённых зевак.

На верху лестницы женщина остановилась и опёрлась спиной о колонну. Волосы повисли вокруг её лица влажными прядками. Ухмыляясь, она откинула их назад. Уже стоя у нижних ступеней, Мох понял, что она выжидает, даёт ему сократить отрыв. Зажимая рукой покалывающий бок, он махнул вверх через три ступени

зараз, сознавая, что за представление устраивает.

– Подождите, – воззвал он.

Женщина стремительно рванула через мраморное фойе. Мох скакнул на верхнюю ступень лестницы как раз вовремя, чтобы увидеть, как она выходит через вращающиеся двери наружу. Молния высветила окна.

Умелец Ворон

Ворон истосковался по утренней свежести, пока добирался до Абсентии. Воздух был холодным и солёным. Коридалы[4 - Коридалы – крупные насекомые, похожие на стрекоз, нередко с контрастным рисунком из белых или чёрных пятен на крыльях; у самцов верхние челюсти выступают, как у жуков-рогачей, далеко за передний край головы (прим. пер.).], которых надуло с океана перед занавесом мелкого дождя, заполонили каждый квадратный фут неба. Ветер стал невидимым рельефом, искажённым отражением суши внизу. У него были свои проходы и завалы, скалы и долины, только созданы они были из вихрей и пагубных перемен давления. Любой просчёт или отвлечение от цели полёта – и камнем вниз, ворон это знал. От напряжения у него болела голова, мышцы на груди и крыльях сводило судорогой при каждом взмахе. Беспалая лапка поджималась к телу. Для облегчения он позволил ей волочиться, но это ещё больше нарушало равновесие полёта.

Абсентия был городом военных руин. Своды и башни библиотеки, гrotы бывших театров и оперы стали домом для птиц. В обителях государственной власти и религии расположились медведи, лоси и волки. Монстр рассказывал ему про разрушение зоопарка, про то, как животные разбежались по городу, грозя гибелью уцелевшим в войне, а потом и в Чистке. Он умел быть красноречивым рассказчиком и многого наслушался от сестёр обители в Глазке. Им, положим, было запрещено разговаривать с ним, однако у Монстра был острый слух.

Туман напал с предместий на проспекты и площади. Ворону было уже невмоготу сохранять корёжащуюся добычу, которую он нёс в клюве. Он силился понять, что потянуло его в город, пока не сообразил, что ему нужны ободрение и молчание недвижных стен. В разгуле дикой воли ему было не по себе. Ворон

почувствовал, как что-то преследует его с ветром, скача и бегая по тропкам спокойствия меж низвергавшихся воздушных стен. Свистящий шёпот, слышный даже в завихрениях воздуха, настойчиво нагонял на него отчаяние. Звуки эти застряли во всех трёх камерах внутри его ушей, и как он ни старался, не мог избавиться от них. Ворон был уверен, что это голос той девочки. Появившееся чувство, что куколка так или иначе живая, а он, ворон, обязан её хранить, влекло вперёд. Волшба этого налагала на него невысказанное обязательство.

Головокружение, которое уже целый час досаждало ему, теперь ещё и мешало лететь. Едва не врезался крылом в колпак над печной трубой. Делая вираж над крышами, он направлялся к каналу, выискивая безопасное место для посадки. Заметил развалины моста. Дорога обрывалась с каждой из сторон, остались три арки посреди канала, поддерживавшие плоское, поросшее бурьяном пространство. До него было не добраться никакой живности, кроме самых отчаянных хищников, а в бурьяне можно бы найти хоть какое-то укрытие. Стоило намерению сесть укрепиться, как всякое самолюбие словно ветром сдуло. Усталость навалилась, и ворон перестал махать крыльями. Паря над чёрной водой канала, он подумал, а не бросить ли куколку. Одолевала тревожная мысль, что если он сделает так, то она продолжит себе полёт к спасению, а вот он прямоком затрепыхается к смерти. Ворон проглотил стекляшку. Он не понял, как или почему так вышло. Куколка скользнула в пищевод – жирная добыча.

Ворон правил на середину приближавшегося моста, где в трещине укоренилось какое-то деревце. Вокруг всё было усыпано листьями, клочьями пробивалась трава. Тут можно будет как-то угнездиться, отдохнуть и хорошенько подумать о последствиях того, что он наделал. Ворон полетел к этому месту: чересчур быстро, чересчур напористо да ещё в расстоянии просчитался – и ударился о деревце левым крылом. Центробежная сила крутанула его вокруг ствола, и он врезался в землю одной вытянутой лапкой, голова запрокинулась, уставившись клювом в небо. От бокового падения хрустнули кости левого крыла, словно бы значили они ничуть не больше всяких тростинок, в изобилии росших под мостом.

Вечер наступил рано. Вокруг, воркуя, ходили голуби, ворон ощущал их, улегшись на отдых, распушив перья и упрятав клюв на груди. Левое крыло у него вытянулось в сторону под таким углом, что становилось понятно: летать ему больше не придётся никогда. Куколка сидела внутри, излучая тепло, словно бы жар её сотворения всё ещё не улетучился. Когда на западе осталась лишь узкая полоска света, лягушки на канале принялись за свои квакающие ухаживания. А в

вышине летучие мыши пировали бабочками и мотыльками. Что-то большое плеснуло неподалеку вблизи прогнивших свай причала. Пока ворон вбирал в себя эти впечатления, мигательные перепонки его глаз надвинулись на зрачки и закрылись. Сердцебиение замедлилось, плеск воды об основание моста убаюкивал птицу. Были и похуже способы помирать, и места похуже, только вор тем не менее чувствовал, что сам себя облапошил.

В облаках появилась луна. Ворон поднял голову, с удивлением прислушиваясь к началу рассветного птичьего пения. Уже? Неужто он спал? Нить его блуждающих мыслей, казалось, не прерывалась, но свет и впрямь занимался на востоке. Впервые после кражи куколки в ушах не стоял больше шепчущий голос. На смену ему пришло что-то иное, какой-то скрип внутри его тела, который ощущался ничуть не меньше, чем слышался.

Сонливость пропала. Встревоженный, ворон попытался сложить распростёртые крылья, но они не слушались. Вместо этого его маховые перья мелко тряслись в грязи, словно бы больше ему уже не подчинялись. Следом послышался сухой треск отпадавших перьев, пришло ощущение растяжения костей, заворачавшихся в пределах мышц тела. В кончиках крыльев нарастали боль и стеснение, пока, словно бы бумагу, не прорвало и из-под кожи не вылезли тощие пальчики. Они изгибались на холодном предрассветном воздухе, стягивая с себя перья, как рукава пальто. Ворон попытался подняться, однако его ноги отросли неподобающе весу головы, которая здорово увеличилась и округлилась. Попробовал каркнуть, однако исторг из себя странную запинающуюся вереницу звуков.

Слова.

Острые зубы врезались в язык, барахтавшийся в незнакомой полости, служившей теперь ему ртом, – клюва больше не было. Немного отпустило. Он заёрзал по земле, забив себе все ноздри пылью. Потом навалилась величайшая боль, заломило киль, основную опору птичьего тела. Кости и плоть изнутри растягивали кожу, словно бы теперь он пузырьком раздувался. Рёбра выворачивались и растягивались, вправляя по-новому складки раздававшихся мышц и связок. Боль сделалась невыносимой, и он впал в состояние, когда сознание расползлось в нечто бесформенно-серое. Он смотрел, как поток дождя смывал бранные остатки его чёрно-белого оперения – он больше не был вороном. Он сделался чем-то, привязанным к земле, чем-то с пальцами на руках и ногах и с зубами. Слова? Монстр давным-давно наделил его способностью

понимать их, теперь, похоже, ведьмина волшба завершила дело. Она наделила его строением тела, позволяющим создавать их.

Ворон пришёл в себя под утренним солнцем и понял, что его несут, как человеческого младенца. Державший его мужчина переходил по пояс в воде канал. Вода была тёплой и приятной для болтавшихся ножек ворона. Стебли лилий и бурлящие стаи головастика скользили по пальцам ног. Мужчина пробирался вброд с осторожностью, на ощупь выбирая безопасное место для ног среди погребённого на дне мусора. Когда он выбирался по лестнице, ведущей из канала, мимо врассыпную бросились леопардовые лягушки. Мужчина остановился и глянул вниз на ножки ворона. Вокруг глаз мужчины пролегли морщины, а в рыжей бороде заметны были поседевшие прядки. Неприкрытая одеждой кожа была обветрена.

– А у тебя, видать, одного пальчика-то не хватает. – Взобравшись по ступенькам, мужчина положил ворона на траву. Трава была пересыпана землёй и зудела от насекомых. Ворон лежал на боку, прижав крест-накрест к груди свои новые руки. Грубые руки его благодетеля разминали ему ноги и руки. За работой мужчина насвистывал. Через некоторое время мышцы ворона расслабились, и он, всхлипывая, уткнулся в траву.

Когда он пришёл в себя во второй раз, к рукам вернулась чувствительность. Все мысли его были о куколке – остаток сна. Она представлялась ему прозрачно-зелёной, как вода в канале. Чувствовалось, как она поворачивалась в нём стрелкой компаса, сориентированной на направление, откуда он прилетел, на Глазок. Один за другим он разогнул пальцы, и образ куколки поблек. Он отвлекся на составные части своих новых пальцев: суставы, подушечки и ногти. Он разогнул последний пальчик – и испугался. Ворон, крепко зажмурив глаза, поднялся на ноги. Простоял так несколько секунд, потом раскрыл один глаз, потом другой. Поднял руку и пошевелил пальцами.

Он был одет. Вытянутую руку укутывал рукав зелёной курточки с расшитой манжетой. Глянув вниз, он увидел ботиночки, штаны и грубый свитер. Курточка доходила ему до колен, на ней было два ряда медных пуговиц, а её зелёный бархат был кропотливо расшит золотым шитьём и крохотными блёстками. «В общем-то, – подумал ворон, – чертовски прелестно».

– Извини за наряд, Умелец Ворон. Это всё, что я смог найти, чтоб тебе подходило. Откопал его в гардеробной старого театра в здании, что чуть дальше по дороге. Одежка не слишком затхлая, надеюсь? По крайней мере, не всю её моль съела. – Мужчина, который нес его с моста, сидел на деревянном стуле в нескольких шагах поодаль. Говорил он басовито и неспешно, тоскливо, но без неприязни.

– Театр? – Голос Умельца звучал хрипло.

– То здание до войны театром было. Когда-то там были прекрасные фрески. – Мужчина потёр перепачканный подбородок. – По-моему, наряд этот принадлежал обезьянке в одном из представлений.

– Обезьянке. – Ворон задумался. – Обезьянка – это что?

– Обезьянке в постановке, – сказал мужчина, пропустив вопрос мимо ушей. – Точно, я в этом уверен. Стыдиться тут нечего.

– Я не стыжусь. Наряд очень красивый. – Умелец Ворон разгладил куртку у себя на боках. И улыбнулся. Ощущение было очень необычным.

– Это точно. – Мужчина пристально уставился на Умельца, вращая на пальце большой перстень с красным рубином. – Так что, Умелец Ворон, откуда ты?

Ворон следил за порхающими над водой ласточками. Мост укутывало тепло сияющей осени, по маслянистым завихрениям между опор скользили дикие утки. «Умелец Ворон... да, это подойдёт». У него должно быть имя, если он намерен разговаривать с людьми. Он был доволен.

– Отсюда – и оттуда. – Умелец Ворон указал на небо. – А ты кто?

– Меня зовут Джон Машина. Я из Ступени-Сити. Это далеко отсюда. Я уже несколько месяцев дома не был. – Он улыбнулся безо всякой смешливости. – Ты слышал о таком, Ступени-Сити? Очень древний город, до него отсюда несколько дней на юг идти надо. Он на берегу Радужного моря находится.

– Слышал, – соврал Умелец Ворон. Смысла никакого не было, чтоб тебя считали провинциалом. От расспросов ему делалось не по себе.

– Я разыскиваю старую чёрную карету. Тут всё так здорово выросло с последнего раза, как я был здесь. Я едва узнаю эти места. Такая штуковина была бы заметна на острове Козодоя. Ничего похожего не видел?

– Видел! – Умелец Ворон припомнил свой полёт через лес. – Это было в том же месте, где я видел девочку и какие-то странные создания в масках животных.

– Ну?! – Джон напрягся. Он вскинул брови, отчего на виске у него стал заметен розовый шрам. – Где?

– И ещё злобного вида пёс с длинным языком.

– Где? – Теперь от голоса Джона Машины делалось колко.

– В лесу. – Умелец Ворон пожал плечами.

Мужчина подался на стуле вперёд, вращая перстень.

– Лес покрывает сплошь две трети этого острова, мой мелкий дружок. Был бы признателен, если б ты высказался малость поточнее.

– В большом кратере посреди острова, довольно далеко отсюда. Так достаточно точно?

Джон, рассмеявшись, откинулся назад.

– Не могу понять, то ли ты простодушный, то ли просто ехидный мелкий хер. Чем она занималась, эта девочка?

– Волшбой.

Мужчина отнёсся со вниманием:

– Что за волшба?

– Делала стекляшки, живые такие. Такие штуки, которые всё меняют.

– Что ты имеешь в виду?

– Куколки, выдутые из стекла, им она своим дыханием давала жизнь. – Умелец Ворон пожал плечами. – Я одну стащил.

– Ты украл одну из тех куколок?

– Да.

– Это многое объясняет. – Джон Машина оглядел его с головы до ног. – Могу я взглянуть на неё?

– Я её проглотил. – Умелец уставился в землю и руками обозначил свое тело. – А потом – вот это.

– Понял, – произнёс (и не без сочувствия) Джон. – Попал ты в весьма неприятную передрягу.

– Да. – У Умельца Ворона глаза на лоб полезли. – Здесь же нельзя находиться. Это запрещено. Чистка.

– Что сказать, – произнёс Джон после долгого молчания, – полагаю, это правда, если кто-то предпочитает признавать определенную власть, но я, видишь ли, собиратель. По моему суждению, несправедливо, если один человек указывает другому, можно ли куда-то идти или нет. Я ищу вещи для людей, вещи особенные, какие я могу найти только тут, на острове Козодоя. Если бы я не нашёл их, они пропали бы навсегда. Вот почему мне нужно идти к месту, называемому Глазком. Думаю, мне там удача может улыбнуться. Один раз так и было. Так это там ты видел ведьму, да?

Умелец Ворон с трудом сглотнул и кивнул. По правде, он уже жалел, что обмолвился о девочке и её компании. Где-то в животе узлом стянулось недоверие, невзирая на всю явную доброжелательность, выказанную к нему до

сих пор Джоном Машиной.

Джон Машина заглянул Умельцу Ворону в глаза, а потом отвёл взгляд, как будто пришёл к какому-то решению. Хлопнул ладонями по всё ещё сырым коленям и поднялся на ноги.

– Мне надо идти. Осмелюсь дать совет: тебе лучше за мной не ходить. Если ты украл у той, у кого я думаю, ты украл, то, знаешь, давай просто скажем, что особа она прощать не привыкшая. – Он вскинул на плечи пропылённый мешок и пошёл прочь, не проронив ни слова. Уже через мгновение он исчез из виду меж двумя разбомбленными строениями.

– Джон Машина, – закричал во всё горло Умелец Ворон. – А мне-то что делать?

В ответ долетел голос Джона:

– Найди женщину по имени Мэй. Если повезёт, она тебе поможет. И поищи какую-нибудь новую одежду. Пока мы с тобой болтали, ты вырос на три дюйма. До встречи, Умелец Ворон.

Умелец Ворон уселся на какой-то выбившийся из земли механизм и обхватил руками живот, где двигалась куколка. Что теперь?

Прошло полчаса. Голод одолел все его мысли. Он пошагал к краю канала. Внизу, в воде меж водорослей, стремглав носились рыбёшки. Пониже их лениво проплывал карп. Лягушки вернулись на ступени погреться на солнышке. Он принялся разглядывать своё отражение. Понадобится время, чтобы привыкнуть. Кажется, у всего на свете есть место – только не у него. Он глянул в небо, но оно больше не было ему домом. Помахал руками. Чем это его новое тело питалось? Что оно способно делать? Казалось, оно жестоко неумелое. Тогда ему пришло на ум, что у него три благодетеля. Монстр даровал ему сознание, ведьма даровала тело, а Джон Машина даровал имя. По животу прошлась волна тошноты, едва он вспомнил прежние свои мысли о том, как люди и монстры обрели силу надо всем, давая всему имена и названия.

Умелец Ворон пошёл, удивляясь тому, что голова у него не раскачивается. Его ноги оставляли отпечатки на земле, всё ещё влажной от ночного дождя. Земля стала теперь его домом, и он оставил на ней свои первые отметины.

Склонившись, он подхватил со ступеней лягушку, прежде чем та сумела упрыгать, и заглотнул её целиком.

Молоко Агнца

Буря надвинулась на остров с Радужного моря, замазывая небо грязно-жёлтым цветом. Гром сотрясал Мох с головы до пят, и на какой-то миг его перенесло на двадцать пять лет назад, в тот день, когда Мемория упала с волнолома. Вспышка молнии вернула его в настоящее. Стволы чёрного ореха раскачивались, засоряя траву листьями. Мох ругнулся. Украденная сумка долго под дождём не продержится.

С удобной точки входа в Музей он смотрел, как женщина сбегала с холма в направлении Лич-Лэйн, где сгрудившиеся кофейни и книжные лавки скрывались в едином мареве. За Лич-Лэйн пролегли Загульные Поля с их историческими дворцами и пышными садами. Укрывшиеся за пеленой дыма окраины Ступени-Сити обратились в одноцветную холмистость. Женщина замедлила шаг, свернула в сторону от Лич-Лэйн и направилась по естественному изгибу почвы к ложине. Мох, увидев в том шанс, пошёл следом. Растительность не даст ей передвигаться быстро. И он сможет взять её за воротник вдали от любопытных глаз.

Дождь усилился. Мох шлёпал через лужайку, прикрывая глаза согнутой в локте рукой. Очки у него запотели, и бежал он почти вслепую, пытаясь на ходу протереть стёкла полрой рубахи. Когда он прижал их к носу, то опешил: женщина наблюдала за ним с края ложины. Дыхание у неё было частым, но она припустила бегом, когда он приблизился на расстояние окрика. Мох не без трепета вошёл в ложину, ступая по звериной тропе. Перешагивая через корни, он клял себя за то, что оставил дома пистолет. Тропа вскоре превратилась в размытый пласт разрозненных камней. Он скользил вниз по склону, хватаясь за ветки. Они вырывались из его ладоней, оставляя в них горсти листьев, пахших увяданием. Когда он добрался до конца спуска, у него сильно ломило позвоночник.

Кружилась голова; он стоял, расставив ноги, над ручейком, пристально вглядываясь в водоотливную штольню. Вход в неё был выложен кирпичом;

укрытый виноградом, он оставлял своего рода доступный проход в виде замочной скважины, за которой невозможно было разглядеть ничего. Совсем незадолго до него женщина оставила оплывшие следы на русле ручья. Мох выравнивал дыхание, опершись ладонями о колени, и старался вспомнить, что ещё находилось в его сумке помимо книги. Там была газета, пустой флакончик из-под синиспоры, набор ручек с карандашами, ластик, записная книжка, немного сигарных купонов с картинками разных рыб, которые приглянулись ему на рынке Полотняного Двора. Вновь охваченный гневом, Мох ринулся в штольню.

Долго бежать не пришлось: несколько шагов – и дневной свет померк за спиной. Когда глаза привыкли, стало заметно какое-то свечение. Под ним обозначились склизкая брусчатка и мусор. Гниль жгла ему ноздри. Шум дождя утих, на смену ему пришли дуновение ветра и плеск ручейка. Свет, как скоро он обнаружил, исходил от свечи, стоявшей возле его сумки на самодельном столике. Женщина следила за ним, стоя в тени. Мох схватил сумку. Вес был не тот.

– Где она? – спросил он. В ушах поднялся скулёж. Звон в ушах появлялся, когда Моха обуревал гнев: последствие детства, проведённого в доках, где разбивали на части отслужившие своё корабли. Женщина вышла вперёд, накручивая на пальцы в кольцах повисшие крысиными хвостиками прядки волос. Свет свечи искажал её красоту своими переливчатыми тенями.

– Не создавайте себе трудностей, – произнесла она, ловя его взгляд. Затем выпустила шквал фраз на незнакомом языке и отошла в сторону.

Что-то задвигалось поблизости. «Сообщник, значит», – подумал Мох.

Выступивший вперёд мужчина был высок, может, футов семь[5 - Чуть больше 2,13 метра (прим. пер.)]. Он носил на голове кастровый цилиндр, который почти задевал потолок штольни. Чёрная кружевная вуаль закрывала лицо. Пальто с воротником из горносталя скрывало очертания тела. Кожа была видна только на его больших покрытых шрамами руках. Поблекшие синие татуировки сплошь покрывали суставы пальцев, которые заканчивались у второго сочленения, наверху фаланг. Рукава пальто, тоже отделанные мехом, были запачканы пульпой и похожими на слизь выделениями стен штольни. Пистолета Мох не видел, но догадывался, что он спрятан в складках мерзкого пальто. Мужчина двинул левой рукой, и из рукава в ладонь скользнула книга «Певчие птицы острова Козодоя».

– Моя книга, – не удержался Мох. Он решил хранить разумное спокойствие и старался не отвлекаться на женщину, которая зашла ему за спину.

– Ваша книга? – спросил мужчина. Голос его был звучным и отрывистым. – По-моему, мы по крайней мере можем согласиться, – он прочистил горло, – с тем, что книга эта не ваша, а наша.

– Как это? Она теперь ваша, поскольку вот она украла её у меня? – спросил Мох.

– Вы украли её из Музея. И, если только меня не осведомили неверно, – продолжил мужчина, – передавший её в дар судья украл её у одиозного орнитолога и серийного убийцы Франклина Бокса. Это книга Франклина.

– Была, когда-то. – Мох не видел смысла врать. – То был его личный экземпляр.

– За свою карьеру он написал всего одну книгу, ведь верно? Зато какую книгу! Вы согласны? – Мужчина закачался из стороны в сторону, и Мох поневоле подумал об ореховых деревьях около Музея.

– Я не специалист, – повёл он головой.

– «Певчие птицы острова Козодоя» были научно-исследовательским шедевром. Книга сделала бы имя автора известным повсюду, во всяком случае – среди орнитологов. Увы, по ходу дела он убил и расчленил нескольких проституток. Такое надолго затеняет карьеру учёного. Многие из тех женщин внушали любовь «Красной миноге».

– Вы, похоже, хорошо осведомлены, – заметил Мох.

Мужчина пожал плечами:

– Судья Сифорт, тот самый, что засадил вас в тюрьму, понимал значимость книги. Она была ценна как научно-исследовательский труд, вот только сопровождала её занимательная история. Всегда волнующая тема, осквернённая соучастием. Судья устроил, чтобы книгу изъяли в тот день, когда Бокса заковали в кандалы и отправили в тюрьму. Франклин просидел в брикскольдской тюрьме... сколько, двенадцать лет, когда вы с ним познакомились? И потом он

поведал вам о своей несчастной судьбе. В тот день вы пообещали ему выкрасть книгу обратно. Привели бы в исполнение небольшую, но сладостную меру отмщения за вас обоих.

– Откуда вам всё это известно? – От недоверия у Мох даже голос схватывало.

– Есть те, кто знает, – произнёс мужчина. Помолчав, добавил: – Люди зовут меня Агнец. – Он с осторожностью поставил книгу на столик, приложив уголок к дереву, а потом бережно уложил её плашмя. Вытянул правую руку. Пальцы её были унизаны перстнями с рубинами, оправленными в тусклое золото. Застигнутый врасплох, Мох подумал было, что тот собрался обменяться рукопожатием, но Агнец разогнул свои обрубленные пальцы, и что-то выпало из них на стол. То был почерневший серебряный кулон, бегущая лисица на продетой через её закрученный хвост замызганной красной тесёмке. У Мох зашевелились волосы на руках.

– Уважение много значит, – сказал Агнец. – Это единственное из того, чем мы располагаем, что не позволяет нам порвать друг друга на куски, как зверям. Нет? – Он махнул в сторону книги. – Возьмите. Мне книги ни к чему. Она просто завлекла вас сюда.

Мох оторвал взгляд от кулона.

– Прошу, – произнёс Агнец.

Мох положил книгу обратно в сумку.

– Ну а теперь, господин Мох, уважая ваше и моё время, давайте перейдём к делу.

– У меня нет с вами никакого дела, – сказал Мох.

– Зато у меня есть дело с вами. Вы знаете, кто я такой?

– Представляю. Вы сказали, что вас зовут Агнец.

– Да, зовут меня Агнец, но я имел в виду в более широком смысле. – Он сцепил руки за спиной, натянув пуговицы спереди на пальто.

– Я знаю, кто вы такой, – сказал Мох.

– А раз вы знаете, кто я такой, так и я знаю, кто вы такой. Так что, когда я говорю, что у нас с вами дело, я не предполагаю, что вы станете тратить моё время своей... – Агнец подыскивал слова, – «умышленной непонятливостью».

Мох был зол и напуган. Теперь, когда книга была у него, он мог бы сбежать, но почему-то эти люди знали его, знали, как и где его найти. Давно ли они следили за ним? Выбора не было никакого – оставалось слушать. Об Агнце он впервые узнал в тюрьме. Агнец был одним из тех деятелей подпольного мира, о ком все шёпотом рассказывали друг другу всякие истории, но кого видели немногие. Кличку свою он получил ещё и из-за своего порока от рождения, наделившего его округлыми глазками-бусинками и лицом, вытянутым наподобие овечьего. Была в этой кличке и ирония. Агнец был львом и шутить с собой не позволял. По слухам, он действовал как наёмный убийца «Красной миноги».

– Я, – продолжил Агнец, – приверженец откровенного разговора, господин Мох, так что не стану плясать вокруг да около. Нам необходимо обсудить ваше обязательство. – Мужчина указал на лисицу.

– Мое обязательство? – Этот кулон Мох видел не в первый раз.

– Вы знаете, что это?

– Откуда он у вас? – Мох далеко не был уверен, что хочет услышать ответ.

– Я ношу его в кармане уже немало лет, – сказал Агнец. – Как напоминание. – Пошарив по столу, он подобрал кулон и уложил его на ладонь. С привычной легкостью повернул его, словно игрок потёртый амулет. Кулон исчез в рукаве. – Он принадлежал одной девочке. Вы знали её под именем Мемория. В общем-то, вы ей его и подарили, ведь так? Вы были влюблены в неё.

– Кто вам это рассказал? – набычился Мох. Что-то вроде трескотни цикад в голове грозило расколоть ему череп.

– Эту лисичку я взял не у Мемории, – произнёс Агнец, будто и не слыша Мох. – Я взял её у человека, который должен мне большую сумму денег. Человека по имени Джон Машина.

– Не понимаю, какое это имеет отношение ко мне, – сказал Мох. – Мемория мертва, а Джона я не видел с тех пор, как она погибла.

– Позвольте мне внести ясность. Она не погибла, она не утонула. Случайность, но в той жуткой передрыге она выжила.

– Её падение не выходило у меня из головы всякий день с тех пор, как это произошло, – выговорил Мох. – Океан тогда озверел. Не понимаю, как она могла выжить.

– Я знаю наверняка, что ей это удалось. Её вынесло на хребет, где полно заброшенных шахт. Это удержало её на поверхности, хотя она и была без сознания. Позже отливом её снесло на литораль, заиленные участки берега, выходившие наружу при отливе. Там её и нашли любители покопаться в прибрежной грязи – скорее мёртвую, нежели живую. Вообразить себе не могу, чтобы она долго протянула, если бы не эти падальщики. Так что можете не сомневаться. Мемория жива по сей день, стала взрослой женщиной, само собой. Однако, по-видимому, никто не знает, куда она подевалась – в том-то и проблема. У меня есть желание отыскать её – и как можно скорее.

– Зачем? – Мысли лихорадочно крутились в голове Мох, пытавшегося разобраться в последствиях того, что он услышал. Агнец перестал раскачиваться.

– Когда я увидел, как она красива, на что способна, я безо всяких сомнений понял, что она изумительнейшее из существ. Истинное сверхъестественное существо, свет, дух очищающий, способный вырвать меня из отстоя мира сего. – Голос его перешёл на рык. – Она моя собственность. Я купил её у Джона Машина, а он обманул меня.

– От меня-то вам что нужно? – спросил Мох, которого уже тошнило от наваждений Агнца.

– Всё просто. Мне нужно, чтобы вы нашли её. Вам известен её нрав, места, где она, скорее всего, частенько бывает.

– Это безрассудно. Я знал её ребёнком.

– Прodelайте это незаметно и, как только точно выясните её местонахождение, незамедлительно сообщите мне.

– С чего это, чёрт возьми, я вдруг стану этим заниматься?

– С того, что, если не станете, я непременно устрою так, что вас до конца жизни упрячут обратно в брикскольдскую тюрьму. Там, за её стенами, у меня много соратников, и не все из них в камерах сидят. Лёгкой отсидки не будет, Мох. – Мужчина хмыкнул, но в решительности его угрозы ошибиться было невозможно. – Ваша задача, когда придёт время, сообщить Оливеру Таджалли[6 – «Таджалли?» в исламе – «богоявление». В учении о единстве бытия божество есть единая трансцендентная сущность, являющаяся в бесчисленных образах земного бытия (прим. пер.).], торговцу старинными книгами. Вы его знаете? Мне сказали, что да. Он непременно передаст сведения мне в целости и сохранности. Таково обязательство Оливера.

Мох раскрыл рот, чтобы возразить, но тут что-то кольнуло его в шею. Он шлёпнул ладонью по этому месту и почувствовал, как ладонь сделалась мокрой и стала неметь.

– Разговор на этом окончен. Вы о нём не расскажете никому, не вздумайте. Надеюсь, нам не понадобится встречаться ещё раз, но не делайте ошибки, воображая, будто можете оставить своё обязательство невыполненным. Приятного чтения. – Агнец ушел во тьму штольни.

Мох, обернувшись, увидел, как женщина пятилась к выходу из штольни. В руке она держала приспособление, состоявшее из иглы и резиновой груши-распылителя. Под нажимом молочно-белое облачко какой-то жидкости осаждалось каплями на землю и застывало. В штольне потемнело. У Мохы подогнулись колени. Он резко опустился на корточки и невнятно молил о чём-то женщину, которую теперь расплывчато видел перед собой. Она заговорила с ним, стала успокаивать, но слова были невняты. Мох поднял руки, и их повело в самые неожиданные стороны. Он заговорил, но слова деревянными чурками

застревали у него во рту.

Мох открыл глаза в чужой постели. Подушка пахла пылью и корицей. Поперёк ног лежало что-то тёплое и тяжёлое. Опершись на локоть, он глянул вниз на своё голое тело. Мурлыкавшая кошка ответила на его взгляд светящимися безучастными глазами. С неба пробивался лунный свет, осеняя голубизной всё вокруг. Размера комнаты как раз хватало, чтобы вместить кровать. Тело чуть перевалилось к центру, где спала и сладко посапывала женщина, укравшая его сумку, тоже голая. Тело её сплошь покрывали татуировки, изображавшие фантастических чудовищ: демонов, троллей и фей. Поняв, что разглядывает он всё это чересчур долго, Мох отвернулся: голова болталась так, будто в ней лежал сбитый с равновесия кирпич. Толчок ноги отправил кошку прочь. Придерживая дыхание, Мох скатился с кровати.

В смежной комнате на деревянной сушке нашёл свою покоробившуюся одежду. От неё слегка несло рвотой. Его сумка (с книгой) стояла меж ножек стула. На кухонном столе слабо мерцала керосиновая лампа, там же среди пустых бутылок из-под спиртного и ложек стояли три замызганных стакана. Подняв стакан, Мох понюхал его. Абсент. Как раз тогда он и заметил на внутренней стороне своего запястья татуировку – завившуюся кольцами красную миногу. Он притронулся к центру рисунка – разинутой пасти, наполненной крохотными зубками. Вытянутое тело было завито в спираль против часовой стрелки. Кожа вокруг наколки воспалилась. Из всех унижений, через которые прошёл Мох за последние несколько часов, это вызывало самое яростное бешенство. Он направился было к двери в спальню, но остановился, сделав два шага. Мемория была жива. Что бы тут ни произошло, как бы оно ни трепало нервы – всё это не имело значения перед такой возможностью. Ему нужно было привести голову в порядок – без свидетелей.

Мох оделся, втиснув руки в рукава рубашки, кое-как застегнув пуговицы. Натянул брюки и сунул босые ноги в заляпанные грязью ботинки, не желая терять время на поиски носков. Уже застегнув пальто и перекинув лямку сумки через плечо, он заглянул в спальню. Женщина всё ещё спала, как и кошка, угнездившаяся у неё в углублении поясицы. Он рывком закрыл дверь, стараясь не обращать внимания на боль от наколки на запястье. Перед тем как уйти, Мох устроил в дверях завал из стульев и прихватил с собой туфли женщины.

Когда он распахнул входную дверь, заплясал огонёк керосиновой лампы. Мох вышел на площадку деревянной лестницы. Квартира располагалась в мезонине,

откуда открывался вид на громадное пространство. Лунный свет, сочившийся через ряд слуховых окон, высвечивал помещение почти такое же большое, как центральный зал Музея естественной истории. Хоть и трудно было различить в протянувшемся внизу скопище что-нибудь конкретное, Моху показалось, что в одном месте он смог различить фигуру слона. Поведя в изумлении головой, он зашвырнул туфли как можно дальше.

Метеориты и бабочки

Мох покинул здание и по липовой аллее вышел на ближайшую улицу. Укрывшись в тени, он оглянулся на Полотняный Двор – здание-ориентир, обращённое к морю. От него до Музея естественной истории было немало миль. В течение дня место служило оживлённым рынком, зато ночью оно было не так гостеприимно. Под входной аркой курили трое мужчин в фартуках мясников. Чуть поодаль с грузовика разгружали свежую рыбу, лязг и бряцание достигали ушей Моха с призрачным запаздыванием. Вид здания не вызвал никаких воспоминаний о минувших нескольких часах. Так или иначе, но женщина провела его через весь город. Наличие третьего стакана позволяло предположить, что кто-то ей помогал.

Уход из здания воспринимался побегом, хотя не было никаких признаков, что его держали взаперти. Спустившись по лестнице из квартиры в мезонине, Мох пробирался по чердаку Полотняного Двора, петляя среди вековых залежей всякого сора. Звук льющейся воды и холодное свечение откуда-то ещё в помещении вызвали любопытство, но выяснять было некогда. Цель состояла в том, чтобы выбраться из здания. Женщина могла проснуться в любой момент, а его самого наркотик одурманил настолько, что противостоять ей не было сил. «В другой раз», – обещал он себе. Инстинкт вывел его к лестнице.

Опершись спиной о ствол дерева, Мох осмотрел сумку. Большая часть из его причиндалов была в ней, зато кто-то опустошил кошелёк. Без денег на такси не поедешь, выбор был невелик: шагать пешком. И он, замёрзший и злой, зашагал по пустым улицам. На рассвете добрался до дома, где жил судья Сифорт и где в предыдущие три месяца у него была работа с предоставлением жилья. Проходя по вестибюлю, он держал в памяти каждую трещинку в старинном деревянном полу. Передвигаться скрытно стало привычкой для Моха, и он не хотел, чтобы

его приход был замечен. Одолеваемый усталостью (несомненно, ещё один затяжной результат действия наркотика, каким его накачали), он взбирался по ступеням, сдерживая каждый шаг. На верхней площадке вытащил из кармана ключ и вошёл в апартаменты судьи. Осторожно закрыл за собой дверь, когда оказался в окружении знакомых запахов книг и старинной мебели. Тикали дедушкины часы, но в остальном в квартире было тихо. Не снимая ботинок и пальто, он прошёл по богато обставленным комнатам к помещению для прислуги в глубине. Рухнул на кровать, застонавшую всеми пружинами. Через десять часов сна безо всяких сновидений он пробудился: как показалось, кто-то прошептал его имя, однако то была всего лишь отдалённая вибрация самолётных пропеллеров, удалявшихся, похоже, навечно.

Лёжа в тёплой постели, Мох вслушивался в дождь за окном. Он частенько проделывал такое – проснувшись, лежал спокойно, восстанавливая в памяти недавнее прошлое. Три месяца. Казалось, куда больше времени прошло с тех пор, как он ответил на объявление в газете о месте домашнего наставника с жильём. В контору поверенного в делах Сифорта он заявился с потёртым портфелем, доверху набитым фальшивыми рекомендациями. Он не ждал, что его примут. Им двигало любопытство. Хотелось побольше узнать о человеке, отправившем его в тюрьму на основе косвенных улик. Поверенный и не думал скрывать своего нетерпения. Собеседование он вёл торопливо, оставляя впечатление, что это поручение считает для себя пустой тратой времени. К тому же он, возможно, был и слегка пьян. Так и казалось, что его обуревают едва ли не заговорщическая готовность попасть под обаяние проявленной Мохом добропорядочной общительности и его картонной подноготной. К своему удивлению (и тревоге), с собеседования Мох ушёл с контрактом, ключами от квартиры Сифорта и авансом в счёт своего жалованья. Просидев в раздумьях за выпивкой-другой в ближайшем баре, Мох избавился от жгучего желания бросить ключи в первый попавшийся общественный туалет, а вместо этого задумал опасный план. В тот же вечер, попозже, Мох позволил себе войти в пустую квартиру.

Поверенный посоветовал ему располагаться в ней в ожидании возвращения семейства из загородного поместья. На три месяца, предоставленные в его распоряжение, он выбрал спальню бывшей горничной. Она была меньше его тюремной камеры. В отсутствие семейства он мог бы спать на большой кровати Сифорта, а то и в детской. Но этому он предпочёл тесные стены и твёрдый матрас в комнатке прислуги. Намерения оставаться надолго у него тогда не было. План состоял в том, чтобы обследовать квартиру, отыскать книжку Франклина Бокса и, возможно, опустошить между делом бутылку-другую

бренди. Появилась возможность исполнить данное Боксу притянутое за уши обещание и малость побаловать себя ребяческими проказами. Однако книги не было нигде. Однажды утром, глянув в зеркало на свой угрюмый лик, бородатое лицо, он понял, что выглядит совсем не так, как человек, сидевший в зале суда, вершил который судья Сифорт. В плане Мох пробилось новое ответвление. Он останется, будет играть избранную им роль и в конце концов выяснит, где находится книжка «Певчие птицы острова Козодоя». Шло время. Мох удобно устроился в квартире, а потом, три недели назад, наткнулся в среднем ящике рабочего стола Сифорта на дарственную Музею.

Мысли Мох навели его и на события предыдущего дня. Он нежился в углублении матраса, сунув под одеяло у бедра несамовзводный револьвер. Пытался свести события воедино, начиная с того момента, как он украл книгу, но память подводила, последовательность событий не выстраивалась. Снадобье, впрыснутое ему той женщиной, было из фармацевтической категории. Она могла ему конечность оттяпать, а он так без понятия и остался бы. Мох поднял руку. Мышцы под татуировкой закололо, когда он разогнул пальцы. «Такого я бы не выбрал», – подумал он. Уронил руку и зажмурился от поднявшейся с матраса пыли.

«Красная минога». Джон Машина был её членом. Слова Агнца подтвердили то, о чём Мемория каким-то образом знала много лет назад. Мох даже в постели сел от поразившей его догадки. Агнец, должно быть, и был тем самым мужчиной, к кому Джон Машина возил её на показ – причина ругани на волноломе. Мох клял себя, что сразу не сообразил того, что было явно – с минуты, когда Агнец показал ему лисицу. Мемория говорила, что Джон возил её к мужчине, разговаривавшему с ней через плетёную ширму. Он оставался скрытым за ней, но под конец разговора приложился глазом к плетению. Пристальный его взгляд встревожил её. И что же с Меморией? Может, Агнец прав? За всё время своей долгой прогулки от Полотняного Двора Мох ни о чём другом и не думал.

Память о её падении, пусть и пережитая бессчётное число раз, ужаса своего не утратила. Казалось невозможным, что она смогла остаться в живых. Сколько раз в своих фантазиях представлял он, что видит её? В тот день море было слишком всеильным, слишком холодным. Скрытые под водой скалы походили на гигантские клыки. И всё же ясно, что Агнец верил тому, о чём говорил. Иначе зачем бы стал лично угрожать Моху? Показ лисицы был маневром мастерским. Агнец понимал, что этот жест окажется сильнее слов. Своего истинного дня рождения Мемория не знала никогда. Вот они и придумали его – седьмое

сентября. Лисицу Мох подарил ей, поздравляя с этим днём. У серебра был изъян в том месте, где должен был быть глаз. В штольне Мох сразу же заметил эту мелочь, хотя много лет и в мыслях её не держал. Все-таки появление лисицы едва ли доказывает, что Мемория жива. Моха всегда интересовало, что в тот день Джон зажал в ладони. Теперь он узнал. Лисица вырвалась на волю во время борьбы на волноломе. Агнец не собирался предъявлять доказательство. Его намерением было зашвырнуть Моха обратно во времени, когда чувства были напряжены больше всего, очистить его разум от всего другого.

И получилось. Моху захотелось поверить. Печаль смерти Мемории была бременем, которое он носил немало лет. Мысль, что она, такой умный озорной ребёнок, ушла из жизни, была тяжким грузом. Он винил себя, что не сумел удержать Джона настолько, чтобы предупредить несчастный случай. Всё тогда произошло слишком быстро. Теперь он чувствовал, что одурачен, позволив вертеть собой Агнцу, обнаружившему его слабое место. Мох никогда не был способен позволить Мемории уйти. Бессилие в том, чтобы изменить события того дня, нанесло ему такую рану, какую не смогли бы исцелить никакие доводы рассудка. Он вновь упал на постель. Возможно, теперь шанс изменить это появился.

Уткнувшись в более прохладную часть подушки, Мох жалел, что у него нет ни понюшки синиспоры. Она бы прочистила ему мозги. К снадобью этому он начал прибегать в тюрьме, чтобы сосредоточить разум на учении и отгородиться им, как стеной, от скуки. Когда появилось пристрастие, то оказалось, что оно зловредно прилипчиво, чтобы от него отрешиться. Синиспора ему все нервы обострила бы, но удерживала мысль, что необходимо выйти из квартиры, чтобы отыскать снадобье, – сильно удерживала. Последние свои запасы он израсходовал, добиваясь ясности разума для кражи в Музее. Выйти из квартиры Сифорта означало для него выдать себя за кого-то другого. Он натаскивал себя на восприятие личности Джозефа Леса, но это требовало сосредоточенности. Пристрастие к синиспоре было опасно и приводило в смятение. Оно подрывало в нём способность подмечать важные тонкости. Оно распыляло сосредоточенность разума: случайный взгляд на улице воспринимался как допрос. Случайная встреча с полицией грозила катастрофой. Ирония в том, что вновь влезть в шкуру скромника Джозефа синиспора ему помогла бы, только вот не было её у него совсем. Мох закрыл глаза и погрузился в беспокойный сон.

Проснулся Мох поздно днём и с удивлением обнаружил, что чувствует себя отдохнувшим. Снадобье той женщины перестало действовать на его мышцы и связки. Откинув одеяло в сторону, он уселся на край матраса. Его огорчала мысль, что Агнец мог и других пустить разыскивать Меморию. У такого, как Агнец, много связей и множество присных, вхожих туда и способных добыть то, к чему у других нет ни подхода, ни доступа. Если слова Агнца были правдой и Мемория жива, Мох должен отыскать её первым. Природа одержимости Агнца не очень понятна, но трудно вообразить себе, что Мемории она доставит радость. Глядя на колышущиеся занавески на окне, Мох досадовал на себя, понимая, что взвинченность, которую он ощущал, была именно тем, на что рассчитывал Агнец.

Он глянул на старые наручные часы, которые привык носить. Когда-то они принадлежали настоящему Джозефу Лесу. С них-то Мох и состряпал свой обман. Часы он отыскал, роясь в ящике со всяким хламом на барахолке Полотняного Двора за день до собеседования с поверенным. Полустершаяся надпись на них привела его сначала в Городской архив, а потом и к заросшему травой участку на Загульном кладбище. Там, на ступенях небольшого склепа, он внёс в записную книжку вымышленную биографию Джозефа Леса и выучил её наизусть. С того момента Ламсден Мох, беглый узник, стал Джозефом Лесом, замкнутым литературоведом, зарабатывавшим на жизнь в качестве частного наставника. Отражение в стёклышке часов подсказало, что Мох выбился из образа. Борода не подровнена, а спутанные волосы нуждаются в мытье. Мох подумал было принять душ, но удовольствовался лишь тем, что вымыл руки и умылся. В ванной он набрал прохладной воды в горсти и вылил её себе на голову, склонившись над раковиной, пока вода стекала по лицу. Тикали дедушкины часы. Он понял, что ему делать. Понял это, едва открыл глаза.

В доме на Благоуханном Стоке Мох не бывал с тех пор, как сбежал из Брикскольда. Невзирая ни на что, решил, что именно отсюда он начнёт свои поиски Мемории. Пусть и отдалённый, но всё же был шанс, что за минувшие годы она могла когда-то возвращаться в этот дом. Подходя к дому по дорожке, он узнавал знакомые формы, выступы и трубы, чернильную тень от дома на воде. Хотя формально дом всё ещё оставался собственностью Джона Машины, адвокат платил все налоги на строение со счёта, открытого матерью Мохы. Джон так и не был признан умершим.

Канал был в точности таким, каким Мох его помнил: вода, задыхающаяся под обилием лилий, воздух, дрожащий от непрерывного земноводного хора. Издали казалось, что дом находится в приличном состоянии, с учётом того, что он немало лет простоял пустым. Ставни на окнах целы. На крыше недоставало лишь нескольких черепиц. Мать Моха называла дом «Бессонницей»: в нём она не ведала покоя. Настоящее же название дома, «Благоуханный», всё ещё значилось на столбах, которые миновал Мох, переступая границу владения.

Мох дошел до конца дорожки и направился к дому, прокладывая дорогу через неухоженный садик. В воздухе потянуло приятным ветерком, когда он постучал в дверь. Ждал, но ответа не было. Поведение его вовсе не было спектаклем для тех, кто, возможно, за ним следил. Мох наполовину ожидал, что в дом уже кто-то вселился. Подёргал ручку, но дверь была на запоре. Ключ потеряли ещё много лет назад. Обернувшись, он глянул на двор, где столб насекомых, высвеченный заходящим солнцем, вился над сорняками. Дикими зигзагами заматались над каналом первые летучие мыши. Позади дома Мох продрался сквозь разросшиеся кусты форзиции к окошку веранды. Поплевав на рукав, оттер им участок стекла, пока не стало видно помещение внутри. Оно было высвечено водянистой зеленью в последних лучах солнца. Удалось разглядеть длинный стол, заваленный книгами. Любопытствуя, Мох протиснулся между растениями и окном, надеясь разглядеть получше через следующую раму. И тут обнаружил, что стекло разбито. Похоже, какое-то время оно так и держалось. В трещины набилась грязь и гниль, замазка отвалилась, подоконник по другую сторону покособился. Кусок стекла, легко подавшись, отделился от рамы. Мох положил его на землю и взялся за другой. Вскоре он расчистил достаточно, чтобы пролезть внутрь. И уже несколько секунд спустя стоял в небольших покоях, чувствуя себя незванным гостем в доме своего детства. В этой комнате много лет назад он нашёл свою мать лежавшей на боку на кушетке и всё ещё державшей в руках посудное полотенце, концы которого были погружены в мышьак.

– Эй, есть кто? – Голос его звонко отдавался в пустой комнате. Как и раньше – никакого ответа. Он подошёл к старинному столу, за которым когда-то сидела его мать, сводя счета домашнего хозяйства и тайные счета, которые она вела для Джона. Её кресло было придвинуто к стене. Он сел в него, радуясь удобству обводов, и осмотрелся. Кто-то побывал в этой комнате, и недавно. На книгах, как попало уложенных стопками на столе и на полу, было относительно мало пыли. Свёрнутые в рулоны схемы и карты расставлены по стенам. Мох поднялся и подошёл, обходя стол, к месту, где лежала развёрнутой большая карта. Углом её не давали завернуться всё те же окаменелости древних членистоногих, трилобитов, которые его мать использовала как пресс-папье – редкий и

неизъяснимый подарок матери от Джона. Мох всмотрелся в карту острова Козодоя. Надписи на ней были сделаны от руки, их трудно было разобрать в меркнувшем свете. Зброшенный город Абсентия, кусок побережья за ним – пояснения карандашом на карте. Внутренняя часть острова была относительно не размечена: пространство пятнистой жёлтой бумаги, прерываемое линиями, призвано было обозначать леса.

– «Вот где монстры», – проговорил Мох. Взял наугад из ближайшей кипы книгу о воздействии небесном. На ту же тему и лежавшая под ней, и та, что под той. Озадаченный Мох покачал головой.

Мох вышел из комнаты в коридор. Тот вёл к прихожей и лестнице. Забытые подробности всплывали в его памяти: длинный дорогой ковёр с протёртой лысой дорожкой по центру, картина с панорамой Ступени-Сити в удачном ракурсе с моря, мышиная норка из книги сказок в стенной панели. Он уже собрался наведаться в столовую, где ел бесчисленное число раз, как вдруг расслышал донесшийся с верхнего этажа звук, похожий на шуршание бумаги.

– Есть там кто-нибудь? – Голос его замер в мёртвом воздухе.

Шуршание повторилось. Мох поднялся по лестнице. Ноги его помнили самую предательски скрипучую ступеньку. Наверху он пошёл на звук к двери в конце коридора. Постучался. Не получив ответа, открыл дверь и вошёл в комнату.

Там его приветствовали трепетавшие крылышки Сатурний луна[7 - Сатурния луна (Actias luna) – бабочка зелёного цвета с размахом крыльев до 11 см; передние крылья треугольные с серповидно загнутой вершиной, задней формой своих хвостов напоминают лиру (прим. пер.).], усевшихся на его одежду. Поддоны с листьями чёрного ореха были расставлены на столе под закрытым окном. Под листьями лежали куколки Сатурний. Несколько бабочек совсем недавно вылупились. Поражённый, он ощутил сильное желание потрогать их трепещущие крылышки, но передумал. Вместо этого снял запоры и распахнул ставни. Кваканье тысячи восторженных лягушек наполнило комнату. Бабочки, почувствовав свободу, вылетели в вечер и пропали из виду. Мох взял стеклянный распылитель с края окна и обрызгал поддоны с листьями. Рука его дрожала. Выращивать бабочек-сатурний было детским увлечением Мемории. Опрыскав листья, он вернул сосуд на место и посмотрел вниз на канал. Странная фигура стояла там на берегу, глядя в воду, где по поверхности скользили мерцающие светлячки и летучие мыши. Мох отпрянул подальше от окна, чтобы самому

видеть, но не быть замеченным. Не сразу, но он разобрал, что видит девочку, сидящую на спине громадного чёрного пса. Через несколько минут девочка неспешно побрела вдоль берега канала и скрылась в травяных зарослях.

Мужчина со стеклянной булавкой

Мох снял громадных размеров атлас с полки букинистического магазина Таджалли и бухнул его на стол. Клерк за стойкой бросил на него язвительный взгляд и, казалось, собрался что-то сказать, но потом вновь занялся пересчётом денег. Неопрятная стопка подобных же фолиантов образовалась слева от Мохы. У большинства были повреждены переплёты и вываливались листы. На обложках некоторых были оттиснуты названия кораблей, а поля испещрены надписями вроде водных глубин и картографических координат. Он раскрыл обложку и почувствовал, как от кожаной пыли защекотало в носу. Увиденная в прошлый вечер странная девочка-подросток занимала все его мысли, и он никак не мог выбрать, какую из книг ему хотелось купить. Переворачивал страницы, не вникая в содержание.

Пока он выбирался из дома, она уже ушла. Он шёл по кромке канала, пока небо совсем не потемнело и луна не осветила воду. Шёл он следом в том направлении, в каком, так ему казалось, ушла девочка, но нашёл лишь следы её ног. Остановился Мох только тогда, когда темнота уже не позволяла различать никакие дополнительные приметы.

Наличие Сатурний луна было куда более убедительным свидетельством того, что Мемория, возможно, живее, чем кулон-лисица. Он попробовал вообразить себе мир, где снова была Мемория, но не смог почувствовать его реальность. То, чему он верил в отношении Мемории, а также его роль в её смерти рубцом корежили его сознание. А потом появилась эта девочка и её пёс. Что ему до так непохожей на юную Меморию девочки с жёстко выпрямленной спиной, промелькнувшей на несколько секунд в скудном свете? Зачем оказалась она около заброшенного дома в поздний вечер? Мысли Мохы кругами ходили немало часов, но ничего осознанного из них так и не вышло.

– Он не придёт, – сообщил клерк по имени Квакуша. – Он приходил в половине шестого. Пьяный в хлам. До самого дня в себя приходиться станет, а потом, если

ему и понадобится чья-то компания, так и то его чёртова попугая. Вы прокакали удачу, дружок.

– Я просто за книгой пришёл, – буркнул Мох, не подымая глаз.

– Ах, я ошибся, как же, – произнёс Квакуша, закатывая глаза.

Мох вздохнул и плюхнулся в кресло, сплошь выстланное кошачьей шерстью. Держать книгу на коленях было тяжело. Мох был зол до чёртиков. Левый глаз резало, будто под веком песчинка засела. Три не три – никак не убирается. Под правым глазом мускул дрожал – следствие того, что почти всю ночь пролежал без сна. Других покупателей, кроме Мохы, в магазине не было. Он пришёл до того рано, что видел, как Квакуша отпирал дверь, и тут же прошёл за ним. В книжном Таджалли ему нравилось больше, чем в квартире Сифорта. У Таджалли забитые книгами помещения были не так шикарны, как у его работодателя. Они были меньше, заставленные книгами полки поглощали звуки. Он чувствовал себя как дома среди сложенных в стопки книг, меж которых совершал свой неспешный обход крапчатый кот по кличке Мышь. Судья Сифорт кошками брезговал. Моху доставляло угрюмое удовольствие укладывать своё всё в кошачьей шерсти пальто на пурпурный бархат какой-нибудь козетки судьи. Он побарабанил пальцами по ручке кресла. В раздражении закрыл атлас, снова потёр глаза. Выбрал другой атлас из отложенных ранее.

Подошёл к клацнувшей стойке. Всполошенный Квакуша муреной выскользнул из-за скалы древнего кассового аппарата. Когда он разглядел, что за книгу держал Мох, зрачки его глаз заострились.

– Аахх, первое издание «Странника Золотого мира», – сказал он. – Я и не знал, что у нас оно есть. Полагаю, вам известно, что это довоенное издание?

– Да, – кивнул Мох. У него бурчало в желудке. Хотелось скорее уйти. – У вас пакет есть? На улице дождь идёт.

– Мм. – Клерк шарил под стойкой, пока Мох оглядывал плотно уставленные книгами полки у него за спиной. Давняя шутка: книги не дают этому зданию упасть. Стоит их убрать – и оно рухнет. Позади Мохы открылась входная дверь, впустив клуб сырого воздуха и шорох начавшегося с ночи дождя. Кот Мышь, которого Мох не заметил, вспрыгнул на стойку рядом с его рукой.

– Я это только к тому, что названия многих мест на карте острова Козодоя будут неправильными, – пояснил продавец, беря книгу из рук Мох. Мох больше интересовали старинные названия, нежели те, что навязывались земельными инспекторами, приходившими на те земли вслед за выводом войск. Смена названий стала солью на ране для тех, кого выселили из родных домов. Мох решил не убирать книги и карты из дома на Благоуханном Стоке из-за риска напугать Меморию, если и в самом деле именно она пользовалась ими. Покупая атлас, Мох надеялся подыскать хоть какой-то ключик к проявленной непрошенной гостьей заинтересованности в этой островной местности.

– Я понимаю, спасибо. – Мох следил за суетой продавца. Квакуша был прав в своём предположении. У Мохы была надежда увидеть Оливера. В том, что этот человек приползал домой на карачках на рассвете, необычного не было. Он был неисправимым бабником. Мох надеялся перехватить его до того, как тот спать завалится. У него имелись острые вопросы о том, что связывает Оливера с Агнцем. Теперь, когда Оливер добрался до кровати, он много часов пробудет в бессознательном состоянии.

Квакуша раскрыл книгу, вложил закладку, пропустил все страницы через большой палец. Глаза у него расширились.

– Вот, я же говорил, остров Козодоя изображён всё ещё таким, каким он был до того, как доступ туда был запрещён. Взгляните на все эти мелкие дороги и городки, просто прелесть. Уверен, что сейчас остров не так прекрасен. Славные форзацы, между прочим, теперь подобных типографских чудес не увидишь. Утраченное искусство, чего уж там. – Продавец пробежал пальцами по краям обложек книги. – Боюсь, что вам оно безо всякой пользы будет. Вы уверены, что я не смогу заинтересовать вас чем-то другим... э-э... более практичным? – Он закрыл книгу. Дуновение воздуха взъерошило шерсть у кота.

– Мне эта в самый раз, – сказал Мох и протянул продавцу скомканную купюру. Поджав губы, Квакуша опустил своей перепачканной чернилами рукой книгу в пакет. И сунул его Моху.

– Что ж, пожалуйста. Очень надеюсь, что книга вам понравится.

Мох взял книгу, крутя головой. И только повернулся, чтобы уйти, как почувствовал – кто-то коснулся его руки. Грузный мужчина в верблюжьем пальто

преградил ему дорогу и сжал его руку в своей прежде, чем Мох сумел среагировать.

– Шторм. Мое имя Джей Харт Шторм. Если только я не ошибся непростительно, вы учитель, нанятый Хабилом Сифортом. Да, нет? – Мужчина оглядывал Моха с головы до ног. Его водянистые розовые глазки были погружены в складки, пухлые, как лепестки. Маленький ротик, проглядывавший из густой, круто побитой сединой бороды, и прикрывал ряды кривых зубов.

– Нанятый, вообще-то, поверенным в делах, но – да, это так, – подтвердил Мох. – Я работаю у судьи Сифорта.

– Вижу, вы атлас купили? Для детей? – Шторм с хлопком свёл ладони.

– Вам знакома эта семья? – произнёс опешивший Мох.

– Да, мне она знакома. Судья – мой близкий друг.

– Тогда вам известно, что дети сейчас... – начал Мох.

– За городом, разумеется, надо же было мне такую глупость сморозить. – Он шлёпнул себя по лбу, оставив красное пятно на конопатой коже. – Они ж всегда с Хабилом в деревню ездят. Некоторым, полагаю, этого хватает. – Он указал рукой на книгу. – Вы её заранее купили, к их возвращению к учёбе?

– Так и есть, господин Шторм. – Мох молчал, не зная, что ещё сказать. – Что ж, приятно было познакомиться, но вы должны извинить меня, я уже уходил.

Шторм насупился, лоб его пошёл морщинами.

– Прежде чем вы уйдёте, – сказал он, встав между Мохом и выходом, – есть одна штука... Не сможете ли вы мне помочь?

– Что за «штука»?

– Такое дело, малость неловко, но миляга Хабило, малый забывчивый, должен был оставить для меня книгу. Я, видите ли, собиратель, чуток библиофил, и он

приобрёл её от моего имени. Мы должны были встретиться до его отъезда, с тем чтоб он мне её отдал, но, такое дело, вы же знаете, такое случается. Дела в последний момент, и всякое такое.

– Простите, господин Шторм, уверен, вы поймёте, что просто так, без разрешения я не могу дать вам книгу из собрания судьи. С вами я только что познакомился, а какого-либо способа связаться с ним у меня нет. Без обид. – Мох направился напролом к выходу, но сумел лишь ещё плотнее приблизиться к Шторму.

– Я был бы огорчён, если б вы так поступили, – расхохотался Шторм. – Боже правый! Но, по счастью, у меня есть расписка самого Хабиха, способная дозволить обмен. Если б я знал, что сегодня явится возможность встретиться с вами, я бы захватил её с собой. Вообще-то, я заходил вчера вечером, но вас дома не было.

– В таком случае, полагаю, все в порядке. Когда вас ждать? – Мох извёлся от растущей подозрительности. Шторм, похоже, этого не замечал или предпочитал не обращать внимания.

– Завтра вечером не слишком рано? Скажем, в семь?

– Превосходно, господин Шторм. Что за книга? Я постараюсь, чтоб она была готова.

– Она называется «Певчие птицы острова Козодоя». Давайте-ка я вам его запишу. Хабих просто помешан на книжках про птиц. – Ловким взмахом руки Шторм извлёк авторучку в черепаховой оправе и идеальным каллиграфическим почерком написал название книги на пакете, который держал Мох. А тот воспользовался случаем, чтобы самому подобраться. Он не отрывал взгляда от стеклянной булавки на лацкане мужчины – крошечный рубин, как капелька крови, в золотом зажиме. – Вот так. – Ручка исчезла в пальто Шторма. – Мы обо всём договорились. Всего вам доброго, господин... ужасно виноват, не расслышал вашу фамилию...

– Лес, – сказал Мох, пожимая его руку. – Джозеф Лес. – Мох бросил взгляд на Квакушу, но тот был занят устройством полки эротических книг за стойкой, напевая и с видом профана качая головой из стороны в сторону.

– Завтра вечером, стало быть, – гаркнул Шторм. Натужно улыбаясь, Мох вышел из магазина с пакетом под мышкой.

Дождь обратился в раздражающую морось. Мох направился не прямо домой. Сунув книгу под мышку, он прошёл несколько кварталов, держа путь к громадной лестнице, давшей название городу. Вырубленные в известняковых скалах ступени каким-то чудом древней инженерной мысли образовали защитный вал города. У подножия лестницы плескалось Радужное море. Ступени расходились в обе стороны на многие мили, теряясь во мгле. Мох приходил сюда часто. Он вбирал в лёгкие этот воздух. Морось осаждалась на его лице, остужая разгорячённую кожу. Ощущение огромного простора позволяло чувствовать себя неприметным среди сновавших мимо людей, занятых своими заботами, которые не обращали внимания на ещё одну живую душу, вперившую взгляд в серую даль.

Было ли совпадением, что Шторм попросил именно эту книгу? Судя по Договору дарения, найденному Мохом в столе Сифорта, книга была передана Музее шесть месяцев назад. Мох почувствовал, как стянуло желудок. Приходилось играть предложенную роль. Теплилась надежда, что тем дело и кончится. Если же нет, то оно поможет высветить любой внутренний мотив, какой, возможно, есть у Шторма.

Мох ушёл со ступеней и смешался с потоком пешеходов вокруг Полотняного Двора. Взгляд его скользил по людям на площади, выискивая женщину в наколках. У человеческого глаза есть невероятная способность различить знакомое лицо среди сотен других, и Мох заметил, что не сводит глаз со Шторма, стоявшего в паре сотен шагов от него. Мужчина на него не смотрел, но Мох был уверен, что тот отвернулся в самый последний момент.

Мох пошёл своей дорогой по краю площади, направляясь к обветшалой телефонной будке. Вошёл в неё, плотно закрыл за собою дверь, перекрыв уличный шум. В тесной кабинке стояла вонь, как в отхожем месте. На полу валялись использованные шприцы. Пластиковая трубка утробным плодом болталась на вытянутом шнуре. Мох отвёл взгляд. Вытащил красную шариковую ручку и посмотрел на надписи, сплошь покрывавшие все стенки будки. Отыскав свободное местечко, нарисовал маленькую птичку, поставив пять точек над её головкой. Сунул ручку в карман и вышел. Оставить знак – дело почти

безнадёжное. Немало месяцев прошло с тех пор, как они виделись с Радужником, но Моху нужно было с ним поговорить.

Пустая карта

– Почему эта карта сверху пустая? – спросил Эндрю. Солнечный свет падал на мальчика, на его кресло и на тяжёлый раскрытый атлас, что лежал у него на коленях. Прошло два дня, как Мох купил эту книгу в книжном магазине Таджалли. Долгие часы провёл он в Центральной библиотеке, вчитываясь во всё, что сумел найти, об острове Козодоя и воздействии небес. Самое же увлекательное описание оказалось под носом, и Мох обнаружил его в два часа ночи.

«Десять тысяч лет тому назад в атмосфере над Радужным морем взорвался астероид. Самый крупный оставшийся его фрагмент завершил свой путь в центре острова, который позже получит название «остров Козодоя». Кратер имел почти восемь миль[8 - 12,9 километра (прим. пер.).]в окружности. От удара повалились и сгорели все леса до самой ломаной береговой линии острова и было уничтожено всё живое. Под кратером обрушились все древние известковые пустоты, явив нутро острова звёздам.

С течением веков разрушенный остров сильно изменился благодаря стихиям и возвратившимся лесам. На остров вернулись многие виды птиц. Через девять с половиной тысяч лет после катастрофы эпицентр обнаружили первооткрыватели острова, женская сектантская община. К их удивлению, там образовался маленький островок, окружённый мрачным болотом. Женщины называли островок внутри острова Глазком и объявили его местом священным, духовным прибежищем их сестринской обители.

Трудясь в условиях, погубивших многих из них, рабочие, привезённые сюда женщинами, выстроили большое монастырское здание. Фундамент и стены его были сложены из камня, оставленного после себя астероидом. Из болот были извлечены стволы древних деревьев, и это замечательное дерево пошло на полы, балконы, лестницы и столы в монастыре. Само здание стало известно как Глазок и с самого начала было местом печальным, хотя, как говорят, множество

птиц в клетках оглашали песнями его покои. Всего через несколько недолгих лет на Глазке остались одни только женщины сестринской обители. Все остальные либо сбежали, либо умерли от болезней, либо покончили с собой. Сёстры не покладая рук натирали дерево воском и частенько пристально вглядывались через чёрную воду болот в непроходимый лес, будто ожидая из него чьего-то появления».

Предисловие к книге «Певчие птицы острова Козодоя»

Франклина Бокса.

Был ли интерес незваной гостьи к Козодю как-то связан с монастырём Глазок? Книги о воздействии небес подводили к такому умозаключению. К тому времени как Мох добрался до конца отрывка, он уже гадал, а не отыскал ли он важный ключ к истории Мемории. В тот момент, впрочем, он был в тупике.

Шторм пропустил оговорённый срок. Это злило Моха. Несмотря на неизбежный неприятный осадок, какой эта встреча оставила бы, ему нужно было, чтоб она состоялась. Не хотелось оставлять дело незавершённым, только чтоб оно опять всплыло как-нибудь в менее подходящее время.

Ещё Моха беспокоило, что Агнец или женщина в татуировках следят за домом. От такого сочетания обстоятельств добра ждать не приходилось. Его, как жука, посадили на булавку, а такое заточение пробуждало сомнительные механизмы преодоления.

Глаза ломило от яркости страниц атласа. «С бренди перебрал», – подумал он. Эндрю поправил книгу и сильно подался вперёд, только что не упершись измазанными стёклами очков в северный регион. На диване напротив Мох растирал лицо. Он ополоснул рот бренди из чайной кружки и слизывал капельки с бороды. Спиртное стекало по его горевшему пищеводу шариками расплавленного стекла.

Эндрю был уличным мальчишкой. За несколько недель до этого Мох схватил его за шкирку при попытке забраться в квартиру через дверь на чердаке. Он схватил мальчишку, собираясь отправить его обратно тем же путём, каким тот и появился, но заметив, какой Эндрю тощий, предложил ему немного поесть. «Немного» обернулось банкой сардин и куском поджаренного хлеба, только Эндрю этого не замечал. Его больше привлекали книги из библиотеки Сифорта.

Парнишка он был смыслённый, и вскоре завязалась у них поразительная дружба.

– На самом деле она не пустая. Просто там не так много сотворённого людьми, – пояснил Мох. – Теперь во всяком случае. После войны природа всё поглотила. – Он криво улыбнулся мальчику. – Может быть, когда-нибудь ты отправишься туда. А вернёшься – и заполнишь карту. – Эндрю некоторое время недоверчиво вглядывался Моху в лицо. Потом вновь обратился к книге.

– На что это было бы похоже? Если б я там был, в этом пустом месте?

«Он считает, что я всё знаю», – подумал Мох. А вслух сказал:

– Травы, осока, тайга, множество хвойных деревьев. Ветрено. Зимой небо было бы до того ясным, что днём ты видел бы звёзды – во всяком случае некоторые. Земля осталась очень засорённой после войны, неразорвавшиеся снаряды, брошенное оружие – такого рода мусор.

Эндрю откинулся в кресле, широко раскрыв глаза.

– Жуть получается, – выговорил мальчик.

– У мест вроде этих есть своя красота, – сказал Мох, поводя плечами. – Планета исцеляет.

– Как думаешь, кто там живёт?

– Нынче там живёт совсем немного людей. Представляю себе, как бы ты извёлся, если б задержался там надолго.

– Я другое имел в виду.

– Животных? – Мох потёр виски. – Дай сообразить, мелкие млекопитающие, вроде куниц и лисиц, птицы, множество птиц. Рыбы. – Эндрю резко осел. Мох подался вперёд. – Зато в фиордах, как мне представляется, всё ещё можно встретить кита-убийцу, а то и двух. А известно тебе, что они способны выбросить из воды взрослого тюленя на сорок футов[9 - Более 12 метров (прим. пер.).] вверх? – Эндрю ухмыльнулся. Мох свернул сигарку, наполнив её табаком из

особой табакерки, которую достал из кармана халата. Он выбрал из табака яблочные дольки и расположил их на столике из капа. Мальчик прямо-таки поедал Моху глазами.

– Мне показалось, ты сказал, что там никто не живёт? Откуда же ты столько всего про те места знаешь? – Он внимательно следил, как Мох облизнул край свёрнутой бумаги и завернул его.

– Это не то, что я сказал. Открою тебе тайну. – Мох, сощурившись, прикурил сигарку от свечи. Дым струёй вырвался у него изо рта. Он отогнал клубы от лица. – И, что бы ни случилось, ты её никому не расскажешь.

– Не расскажу, – пообещал Эндрю.

– Меня туда отправили как-то... в тюрьму. Неприглядное местечко по названию Брикскольд. На мили вокруг – ничего, кроме леса.

– Ни фиги, – выдохнул Эндрю, постигнув смысл сказанного. Они оба расхохотались. Когда вновь утихомирились, Эндрю указал на бледную голубую линию долготы, у которой зелёное уступало серому, а затем и белому. – Я бы хотел когда-нибудь поехать туда и посмотреть, на что это похоже. По-твоему как, я бы смог?

– Конечно, – ответил Мох. – Тебе сколько лет, одиннадцать, двенадцать?

– Десять.

– Так, прежде всего тебе надо заняться образованием. Тебе придётся таких наук набраться, чтоб быть готовым!

– Это как?

– Ты должен быть образован, чтобы понимать, что ты видишь, чтобы видеть системные модели и скрытые связи. Смотреть – этого мало. Надо видеть.

– А как насчет мужества? Место, думаю, окажется страшным.

– Этому в школе не научишься. – Мох заговорил серьёзно. – Мужество – это то, чему тебе придётся самому научиться.

– А долго туда добираться?

Прежде чем Мох ответил, в дверь квартиры постучали. Они замерли, обмениваясь взглядами. Тикали дедушкины часы. Мох понимал, что не отвечать господину Сморчку, управляющему домом, рискованно: только любопытство его раззадоришь. Неделями Сморчок пользовался каждым удобным случаем, чтобы испортить Моху день. Любое мелкое происшествие в стенах дома становилось поводом для незамедлительных и изматывавших душу обсуждений. Мох приложил палец к губам. Эндрю прыснул.

Сморчок частенько выражал своё убеждение в том, что Мох, будучи наставником детей Сифорта, де-факто представляет семью в её отсутствие. А раз так, то ему следует оказывать, хотя бы для видимости, то же уважение, какое требуется ко всей семье. Вопрос спорный, но в одном это убеждение имело положительное побочное действие – оно препятствовало Сморчку заходить в квартиру из уважения к праву Мох на личную жизнь. Ещё оно означало, что Сморчок вечно будет стучаться в дверь, чтобы огласить с порога последние новости, выслушивать которые Моху приходилось с определённой долей такта.

– Даже не шелохнись, – шепнул Мох.

Предшествующий день был отмечен целым каскадом мелких катастроф. Очевидно, и сегодня тоже Сморчок вознамерился сделать себя глашатаем. Ещё раньше, утром, когда Мох забрал газету и молоко из подъезда, всегда бдительный Сморчок принял, должно быть, это за знак того, что Мох восстал ото сна и вполне может выслушать первое известие этого дня. Легко было представить Сморчка, стоявшего в дюймах от двери со склонённой набок головой, как у терьера, в ожидании любого звука, способного подтвердить его вывод.

Заметив, что Эндрю готов заговорить, Мох сделал знак: рот на замок. Мальчик пожал плечами, с радостью включаясь в игру. «Вполне могло быть, что я опять завалился спать», – рассудил Мох. Слышал ли Сморчок, как они разговаривали? Мог бы вообразить, что он радио слушал. Снова последовал стук в дверь, но уже вполсилы. Мох потёр подбородок, пятернёй поправил волосы. Бросил сигарку на

дно чашки, где та зашипела, испустив ароматную струйку дыма.

– Тебе лучше уйти, – произнёс он вполголоса, возвращая табакерку обратно в карман халата.

Эндрю остался на месте. На сиденье сбоку от него стояла пустая молочная бутылка, внутри которой на стекле образовывалась голубоватая плёнка. Он привалился к одному подлокотнику, освободив половину кресла. Обтянутые кожей костяшки и покрытые синяками голени торчали из костюма, который он стащил с манекена на оживлённой улице. Потёртые башмаки болтались на босых ногах, держась на завязанных в узлы шнурках. Он был полной противоположностью состоятельным отпрыскам Сифорта, во всяком случае насколько Мох мог судить по развешанным по всей квартире самодовольным портретам. Мох чувствовал привязанность к мальчику.

Под пристальным взглядом Моха малый повиновался. Закрыв книгу и положил её на сиденье. Когда он прыжком вскочил на ноги, Мох удержал его, ухватив за рукав.

– Потише, – выговорил он. Кисть мальчика походила на ветку гладкого плавника. – Какое-то время тебе нельзя сюда возвращаться – ты меня понимаешь? Небезопасно. – Эндрю кивнул. Вырвал рукав из руки Моха и побежал. Этот малый бегал повсюду. – Уходи чёрным ходом и не дай Сморгчу увидеть тебя, – проговорил Мох через плечо. Эндрю уже исчез; перемахнув через подоконник в туалете, он с кошачьим проворством полез вверх по водосточной трубе.

Мох уложил атлас на кофейный столик и раскрыл его на острове Козодоя. Ребёнком он часами рисовал в своём воображении, как можно было бы пройти на корабле через заминированные воды, окружавшие остров, и пройти по пустым улицам Абсентии. Этими фантазиями он делился с Меморией. Детьми они лежали бок о бок, разглядывая отражения канала на потолке, или высывались из окна, когда девочка заставляла парить в лунном свете ничего не подозревающих лягушек. Он с восторгом рассказывал о Козодое и призраках, которыми в своём воображении населил остров. Мемория постоянно была слишком занята осмеиванием собственных горестей, чтобы внимать тому, о чём он говорил. Он подумал о стопках книг в доме, о карте и Сатурниях луна. Наверное, она всё же услышала больше, чем он думал. Быть может, она, живая, обитает прямо сейчас где-нибудь в Ступени-Сити?

Последний тычок Сморчка в дверь предшествовал скрипу удаляющихся шагов. Рядом с атласом стоял пустой медицинский пузырёк, бросавший колеблющийся отсвет на крышку стола. На ярлычке от руки печатными буквами было написано слово «синиспора». Крохотная пробка пузырька, сама изготовленная из коры нескольких галлюциногенов-алкалоидов, была пропихнута сквозь горлышко и перекатывалась по донышку, покрываясь понемногу остатками наркотика. Погружённый в свои мысли, Мох разглядывал свет на столе, пока до него не донеслось нежное воркование. Повернув голову, он, следуя высвеченному солнцем столбику пыли, перевёл взгляд на окно. По ту сторону стекла взад-вперед прохаживался голубь. «Как тюремный надзиратель», – подумал Мох. Теперь он пил из открытой бутылки бренди, которую ранее убрал подальше от глаз Эндрю за диван. Как только спиртное вновь омыло огнём глотку, его охватила убеждённость. Это же очевидно. Книги, карты и бабочки – находки неслучайные. Кто-то (может быть, Мемория) хотел, чтоб он их обнаружил. Кто-то оставлял след хлебными крошками.

Возвращение пчёл

На следующее утро, едва минуло семь, Мох услышал, как на чердаке закрылась дверь. Едва слышно, но в тюремной изоляции Мох натренировал свой слух улавливать и распознавать самые незначительные звуки. Дом судьи Сифорта стоял под номером два в ряду из семи зданий. Звук означал, что кто-то залез в пустой крайний дом этого ряда, номер семь, пробрался на крышу через разбитое слуховое окно и прошёл от здания к зданию до двери, открывавшейся на чердак судьи Сифорта. Цель этих усилий состояла в том, чтобы забраться в дом незаметно с улицы. Путь был достаточно сложным, чтобы кто-то решился воспользоваться им.

Мох открыл глаза, полагая, что вернулся Эндрю, несмотря на то что ему было велено держаться подальше. Шаги, слишком тяжёлые для мальчика, раздались наверху до соседней комнаты, библиотеки судьи. Стук после паузы поведал, что с потолка спустилась подвесная лесенка с противовесом. Пришедший спустился. Мох кожей почувствовал, как из-под двери потянуло холодом. «Радужник», – подумал он, принимая сидячее положение. Мох ждал его с того самого дня, как нарисовал птичку внутри телефонной будки. Птичка – это скрытое послание, означавшее: «проверь ячейку 12 камеры хранения на Центральном вокзале».

Ячейка стала их средством связи, установленным ещё до того, как Радужник покинул Ступени-Сити несколькими месяцами раньше. То был для него способ отыскать Мох, который, если надо, мог исчезать без следа. В ячейке камеры хранения на отдалённом вокзале Мох оставил адрес Сифорта, написанный скрытым кодом, а также записку с пояснением, как пробраться в дом по крышам. Мох положил предписания в запечатанный конверт вскоре после того, как был взят на работу. Вся система выглядела комичной, когда они договаривались о ней, но у Радужника причин для осмотрительности было не меньше, чем у Мох, так что система работала.

Мох спрятал пузырёк синиспоры в халат и пяткой отправил под диван пустую бутылку из-под бренди. Лесенка в соседней комнате с грохотом заскользила по полозьям и убралась на чердак. Раздались шаги по полу библиотеки до закрытой двери, отделявшей её от гостиной. Мох выжидал, упёршись локтями в колени. В пальцах он крутил огрызок карандаша, оставленный Эндрю. Дверь скользнула в боковой проём, и вошёл Радужник, оставляя за собой следы грязи.

Вода стекала с пальто Радужника прямо на ковёр с узором из листьев. Она струйками сбегала с капюшона, скрывавшего лицо. Палец за пальцем стащил он облегающие руки перчатки и бросил их на антикварный столик у стены. Мох вздрогнул. Радужник откинул капюшон. В сумраке комнаты с молочно-голубоватой прозрачной кожей он напоминал призрака. Мох, кому всегда делалось не по себе от внешности Радужника, старался не смотреть тому в лицо. Пять стеклянных шариков, каждый из которых напоминал отдельный глазок мозаичного глаза насекомого, а потому звались они оцелусами. Оцелусы парили вокруг головы Радужника, служа источником лучевого спектровидения.

Мох встал и пожал руку друга, зная, что объятия тому были бы неприятны.

– Радужник, – воскликнул Мох. – До чего же чудесно тебя видеть. Как ты?

Радужник смягчил пристальный взгляд лёгкой улыбкой.

– Отчаянно хочу спать. Море было бурным, и я не спал с самого прибытия. Твой знак в телефонной будке я обнаружил только вчера вечером. – Радужник оглядел комнату, неодобрительно хмурясь на диковинки Сифорта. – Ты давно его там оставил?

– Несколько дней назад, – ответил Мох. – Боже, до чего же здорово тебя видеть!

– И мне тебя, Мох.

– Куда заносило тебя в твоих странствиях? – Неутолимая жажда Радужника к познанию зачастую уносила его куда-нибудь на целые месяцы.

– Некоторое время провёл на Пескарях, архипелаге на крайнем северо-востоке, изучал биом[10 - Биом – совокупность видов растений и животных, составляющих живое население природной зоны (прим. пер.).] тех мест. Путешествие выдалось не из лёгких.

– Я слышал о них, рассеянные точки на карте. Почти конец света.

Радужник кивнул:

– Поверь мне, нет никакого «почти». Более бесплодного места не сыскать. Понадобилось время, чтобы изучить повадки этой земли, но в этом у меня была помощь. Поначалу выяснилось, что жители-аборигены в отдалённых рыбацких поселениях к моему появлению отнеслись с опаской, особенно к оцелусам. Я уверил их, что я – религиозный пилигрим, и это, похоже, уладило дело. После этого они с готовностью, пусть и несколько сдержанной, предлагали мне свою помощь. – Оцелусы парили по комнате, отбрасывая странные тени. – В своих собственных духовных верованиях они близки к сверхъестественному, так что, возможно, была тут какая-то связь. Как бы то ни было, на одном месте я подолгу не задерживался. Большую часть времени провёл, бродяжничая по дикой природе подальше от поселений. Следовал охотничьими тропами, ночевал в избушках. Безотрадный и прекрасный ландшафт. Северные олени и моржи – компания, лишённая чувств. У лесных волков и медведей их и того меньше.

– И всё же – ты здесь.

– Время года сменялось. По чистой случайности я нашёл частное судно, капитан согласился взять меня на борт. Оно простоит здесь на якоре два дня. Я бы наведалься к тебе пораньше, но надо было ещё кое о чём позаботиться. – Он поднял стеклянное пресс-папье с морским ежом внутри.

Мох сел, ожидая подробностей, но их не последовало. У него было так много вопросов, но он знал: лучше не задавать их так сразу. Радужник свои истории рассказывает по-своему – или не рассказывает вовсе.

– Как тебе жилось? – спросил Радужник.

– Кое-что случилось, и мне нужна твоя помощь.

– Продолжай. – Радужник поднёс пресс-папье к глазам, посмотрел, прищурившись, на него одним глазом, потом, повернув, другим. Один из оцелусов подплыл сзади стекла, высветив его. – Морские ежи находятся под защитой. Их выловили почти до полного истребления, удовлетворяя спрос на такие вот пресс-папье. – И он с громким стуком опустил диковинку на полированный комод. – Извини, продолжай.

– Мне думается, Мемория жива.

Радужник опёрся о комод, сложив руки.

– Ты мне рассказывал, что она утонула.

– Да, – кивнул Мох. – Так я и считал. Многие годы перед глазами стояла эта жуткая картина её падения с волнолома. Я... – Он достал табакерку и свернул сигарку. Скатал её чересчур туго и начал сызнава. – Прости, я бессмыслицу несу. Она была мертва для меня так долго, что это просто в голове не уместается.

– Что заставило тебя передумать?

– Я побывал в старом доме у канала. Помнишь, я как-то рассказывал тебе о нём. Благоуханный Сток? Туда Джон Машина поселил нашу семью, после того как привёз Меморию жить с нами.

– Да, с лягушками. Я его видел.

– Точно. В нём много лет никто не жил. Когда несколько дней назад я заглянул туда, дом был пуст, но в одной из комнат я нашёл всё необходимое для выведения Сатурний луна. Это было её увлечением.

– Едва ли убедительно. Что-то могло остаться от прошлых лет.

– Нет. Бабочки были живые, Радужник. Кто-то совсем недавно ухаживал за ними, кто-то, кто знал их повадки. Для совпадения это чересчур. – Мох закурил сигарку. Дым высветился диагональной полоской в расползшемся по комнате солнечном свете.

– Если только кому-то не понадобилось подтолкнуть тебя к такому выводу.

– Я думал об этом. Но зачем? – Мох ломал над этим голову. Если Агнец прибег к такому, чтобы убедить его в существовании Мемории, то это умно. Только для того, чтобы это устроить, надо было знать о сущих мелочах из прошлого Мемории.

– Я не знаю, – сказал Радужник. – Ты ещё что-нибудь видел?

– Кое-какие книги, карты острова Козодоя. Понимаю, звучит это странно, только я никак не могу не думать, что это ключики, которые она мне оставила.

– Будь она жива, почему бы ей не обратиться прямо к тебе? К чему эта таинственность?

– Вспомни о нашем знаке-птице. Может, ей есть что скрывать, или, может, она боится.

– Кого?

– Джон Машина выставял её перед множеством странных людей. Она вызывала в них безмерное любопытство из-за своего пресловутого дара, будто она была чем-то вроде бесноватой.

– Так что ты намерен делать?

– Найти её, конечно же. Радужник, мне нужна твоя помощь.

– Хорошо, даже если предположить, что ты прав, как бы ты узнал её? Прошли годы. Есть у тебя хотя бы фотография, какой она была тогда?

– Узнать её я узнаю, без вопросов. Я намерен для начала ещё раз сходить в тот дом и посмотреть, не возвращалась ли она туда после моего визита.

– Мох, ты скрываешься от закона, беглый заключённый. Одно дело играть в переодевания здесь, но если заметят, как ты наведываешься в дом родной или покидаешь его, то кто-нибудь сможет тебя узнать. Полиция явно следит за этим местом.

– Готов рискнуть. И потом, выгляжу я совсем по-другому. Кому понадобится связываться с моим прошлым?

– Знаешь, если Сатурнии луна – ловушка, значит, кому-то, видимо, уже понадобилось. Ты можешь попасть в западню.

– Именно поэтому мне и нужна твоя помощь. – Он чувствовал, что виноват, утаивая сведения от Радужника, но угодить в ловушку Агнца было бы глупо. Дьявольски унижительно, когда тебя накачивают дурью и когда тебе делают наколку. Делиться этим он не готов... пока во всяком случае. – Мне просто нужно сделать это. Так ты мне поможешь?

– Меня весьма поражает твоя уверенность в предположении, будто обычные увиденные тобой предметы – это знаки, оставленные ею для тебя.

– Как раз такое она и проделала бы, – убеждённо заявил Мох. – У неё был вкус к загадкам.

– Твоя поспешность навлечёт на тебя опасность, – предупредил Радужник.

– Что-что? – спросил Мох немного резче, чем хотел бы.

– Пытаться отыскать кого-то в этом городе, того, кто, возможно, хочет остаться скрытым, значит наводить справки. Такое занятие в конечном счёте тебя раскроет. Если кто-то сложит два и два, то тебя тут же продадут и арестуют. Мой совет: оставь это.

– Нет. Она подавала мне знаки.

– Знаки. – Радужник помахал рукой. – Сколько ты тут бренди выпил, Мох?

– Она где-то там. Как я могу пройти мимо этого? Я должен сделать всё возможное.

– Из-за того, будто это ты виноват, что она упала в океан?

– Мне ненавистно было то, как её используют, но сделанное мною в тот день было глупостью. – Мох умолк и потёр глаза, словно бы этим мог стереть образ падающей Мемории.

Радужник принялся расхаживать по ковру. Оцелусы возбуждённо задвигались по комнате. Мох знал, что Радужник способен принимать и обрабатывать по несколько сенсорных импульсов с каждого глазка. Он даже не брался вообразить, в какую какофонию должно было бы обратиться при этом сознание человека.

– Вот мои условия, – произнёс наконец Радужник.

– Назови их.

– Ты прекращаешь затеянную здесь игру – это раз.

– Обязуюсь.

– И ты немедленно уходишь из этого дома.

– Это, во всяком случае, само собой.

– Есть дом на Загульных Полях. Владеет им мой старинный друг, корабельный плотник. Я этим домом иногда пользуюсь. Ты можешь укрыться в нём, пока мы сообразим, что к чему.

Мох кивнул:

– Таковы твои условия?

– Пока. Ты выглядишь ужасно. Ты что, не спал?

Мох, не отвечая, откинулся на спинку дивана. Пыль искрилась вокруг него. Радужник продолжил:

– Владелец того дома находится на борту судна «Сомнамбула» и, как ожидается, не вернётся в док ещё семь недель. Тебя никто не побеспокоит. Полное уединение. Можешь оставаться в доме без опасений, что тебя найдут. Ключ лежит под урной у чёрного хода. Впрочем, особого уюта не жди. Владелец – человек простых вкусов.

– Язвишь? – Мох улыбнулся. – Спасибо, дружище.

Радужник вопрос пропустил мимо ушей.

– Пару часов назад я прошёлся около дома для проверки. В нём пусто. Даже соседи, похоже, разъехались.

– Он будет уже тем хорош, что в нём не будет Сморчка. Он уже сегодня утром в дверь барабанил. Наверное, клеща-уховёртку у себя в постели нашёл или ещё что-то столь же ужасное стряслось.

– Сморчок?

Мох закатил глаза:

– Управляющий домом. Не человек, а сущий кошмар.

– Воздух здесь спёртый. – Радужник подошёл к окну. Обернулся и опёрся о батарею перед окном. Угомонившиеся было оцелусы теперь задвигались по комнате, как шмели в поисках пыльцы. Мох шлёпнул одного, принявшегося обнюхивать его карман. – И как же ты собираешься выпутываться из этого... великолепия?

– Подам уведомление о своей отставке в письме. Скажу, что был вызван домой по семейным обстоятельствам. Не хочу делать ничего слишком внезапного и рисковать тем, что Сморчок учует крысу. Когда Сифорт вернётся, это окажется раздражающей оплошностью, не более того. К тому времени я уже давно буду на пути к дому твоего корабельщика.

– Стоит ли на это силы тратить? – спросил Радужник.

– Я обещал Франклину Боксу, что заберу его книгу обратно. И я отыскал её – в Музее естественной истории. Она вон там, в моей сумке.

– Вот как? Книга?

Мох тряхнул головой:

– Мне нужно было показать Сифорту, что в его панцире есть слабое место, что он уязвим, как и любой другой человек. Хотелось, чтоб он почувствовал себя претерпевшим насилие. Придёт день, и он осознает, что я натворил. – Мох сверкнул глазами. – Мне нужно было покарать его за то, что он меня упёк и погубил проклятую мою жизнь.

Радужник кивнул, тая в уголках рта знакомый проблеск улыбки.

– Отлично разыграно, Мох, отлично разыграно.

Оба взорвались хохотом. Когда тот стих, с улицы стали слышны звуки города. Радужник щелчком сбросил муравья с рукава.

– Мне необходимо поспать, прежде чем я помогу тебе устроить твою жизнь, – сказал Радужник. Мох кивнул, ухмыляясь и закрывая глаза. Радужник снял пальто и перекинул его через высокую спинку кресла, освобождённого Эндрю. Пустую молочную бутылку он передвинул к столу. – Не дело подкармливать беспризорных.

Мох растянулся на диване и подтянул рукав, скрывая наколку. Пузырёк синиспоры врезался ему в ногу. Радужник задёрнул шторы, отсекая солнечный свет, и вернулся к креслу. Они предались покою, а голубь всё ворковал и метал

шажки за окном. «Беспризорные», – подумал Мох. И открыл глаза. Как же давно Радужник следил за домом?

Сундук с книгами

Час спустя, пока Радужник спал, Мох вытащил из-за дивана свою потрёпанную сумку на лямке. Оцелусы лишали его спокойного сна. Лёжа на боку, он следил за их движением по комнате из-под неплотно закрытых век. Неустанные в своей любознательности, они то стремглав разлетались, то сходились вместе, а потом вновь разлетались. Это дьявольски действовало на нервы. Оцелусы, оставленные без присмотра, просканировали бы всю комнату до мельчайших подробностей. И все эти сведения были бы переданы Радужнику, а тот извлекал из них выводы, до каких, возможно, никогда бы не додумался Мох. Перекинув лямку сумки через плечо, Мох решил поискать на крыше покоя от глазастых проницательных стекляшек.

Он прошёл в библиотеку, закрыв за собой дверь, не дав оцелусам возможности последовать за ним. Крючком стянул лесенку с потолка. Хитроумное устройство скрипело неимоверно, приходилось взбираться медленно, чтобы не вызывать шума. С верхней ступеньки он шагнул в длинный чердак, заваленный связками судебных документов и ненужных предметов мебели. Дверь находилась в дальнем конце.

Мох вышел на плоскую крышу. В рубероид болтами было втиснуто основание телескопа. Вид у него был массивный и военный. Моха всегда интересовало, не находил ли инструмент какого-то применения во время войны. Осторожно обошёл, придерживаясь за чугун для равновесия, пока не добрался до кресла. Смахнул с сиденья лужицу, вытер его досуха рукавом, прежде чем усесться. Кресло предоставляло великолепную, пусть и шаткую, возможность обозреть соседние окрестности.

Зажав сумку меж колен, он вынул из неё «Певчих птиц острова Козодоя». Рад был, что сдержал свое опрометчивое обещание Боксу. Годы миновали с того дня, как сидели они во дворе тюрьмы, скармливая крошки хлеба ласточкам, а Бокс горевал из-за того, как ловко Сифорт забрал его книгу. Отобрана она была в качестве «вещественного доказательства», но Сифорт придержал её для себя.

Бокс узнал об этом, потому как судья похвастал этим перед начальником тюрьмы, а сведения протекли вниз. Бокс, казалось, был просто раздавлен. Когда Мох дал обещание выкрасть её обратно, Бокс потрепал ладонью его руку возле локтя и снисходительно улыбнулся. Мох едва не сгорел от стыда. И ещё долгие часы ощущал хватку руки убийцы.

Мох вспоминал, как позже, наблюдая за Боксом, сидящим на сыром полу со своими лоточками лопнувших яиц, собранных по канавам и расщелинам Брикскольда, осознавал, что этот человек существовал в иной реальности. Тем не менее настроился Мох решительно. Он найдёт книгу, и однажды Сифорт поймёт, что натворил. В руке его книга ощущалась тяжёлой.

Обратившись лицом к морю, он читал отрывки из неё, пока не задул ветер и первые капли пятнами не расплылись по бумаге. Возвращаясь к действительности, Мох закрыл обложку книги, вернул её в сумку и поспешил в обратный путь вокруг основания телескопа. Стоя под защитой дверного проема и смотря, как барабанит дождь по соседним крышам, он вернулся в мыслях к Мемории. Неужели она прячется где-то совсем рядом, рукой подать? Глядит на него из какого-нибудь окна в отдалении? Он улыбнулся своей фантазии. Найди он её, только ей отдал бы эту книгу. Разве не были птицы её вечной любовью? Он был уверен: Франклин Бокс одобрил бы.

День склонялся к вечеру. Всё труднее становилось различать черты Радужника, сидевшего за шахматной доской напротив. Мох включил лампу. Волосок её налился светом и ярко засиял. По улице проехал трамвай, отчего весь дом сотрясся. Стекло задребезжало в дверце книжного шкафа, и что-то в нём глухо грохнулось.

– По звуку судя, что-то дорогое, – сухо заметил Радужник.

Помывшийся, одетый в чистую, пусть и мятую одежду, Мох склонился над доской, пытаясь сообразить, как это Радужнику опять удалось поиздеваться над ним. В пальцах он крутил чёрного ферзя. Как и всё, чем владел Сифорт, фигурка была выточена с тончайшим мастерством. Доска ручной работы и шахматные фигуры сделаны из белого, как снег, вулканического стекла и слоновой кости. К основанию каждой крепился зелёный бархат, так что передвигать шахматы можно было бесшумно.

В Брикскольде заключённые делали себе шахматы из пробки и кости. Партии разыгрывались в коридоре, наполненном шумом и гамом. Ещё раньше Мох заявлял, что его вполне радует роскошь шахматной доски Сифорта и уют помещения. На что Радужник, всегда склонный спорить, тогда же заметил, что предпочитает играть в слепые шахматы и тем самым обходиться вообще без доски, чем донельзя растравил Моха душу. Мох собрался было взяться за короля, как раздался стук в дверь. Игравшие обменялись взглядами.

– Пойду посмотрю, что ему нужно, – сказал Мох, поднимаясь со стула.

Радужник расставил фигуры в их первоначальное положение и прошёл в смежную с комнатой библиотеку. Оцелусы попрятались на незажжённой люстре. Мох оправил одежду, подоткнув рубашку и выправив клапаны карманов пиджака. В последний момент он взял револьвер со столика у стены. Огладил чёрный ствол. Очередной стук в дверь разом вывел его из забытья. Он нацелил оружие на дверь.

– Бах, – выдохнул шёпотом. Заткнул револьвер сзади за брючный ремень, где его не было заметно под пиджаком. Повозившись с запором, открыл дверь. Господин Сморчок, раскланиваясь, переступил порог. У этого человека была привычка, постучав в дверь, отступить на несколько шагов и стоять в ожидании, заложив руки за спину. Когда дверь открывали, он проходил вперёд с решительным деловым видом. Маленький и нескладный, он напоминал Моха какой-то овощной клубень, весь в странных комках и неприятных выростах. Одет он был, как обычно, в брюки из чёртовой кожи, узкий пиджак с засаленными рукавами и чёрные башмаки на толстой подошве. К лацкану у него была пришпилена самодельная пластинка с надписью: «Управляющий домом». Его собака, мускулистая кикимора, прозванная Припадочной за частые эпилептические конвульсии, сидела у ноги хозяина.

– Ах, вы дома! Вы, должно быть, спать легли поздно. – Взглядом он обшаривал комнату за спиной Моха, будто за полётом мухи следил.

– Сейчас четыре часа дня, – сказал Мох. Ещё один трамвай прогрохотал мимо. Весь дом сотрясло так, будто он того и гляди рухнет.

– Да, действительно так, тут не стану с вами спорить. Допоздна рылись в этих тяжелых книгах, не правда ли? Мой отец всегда говорил, что от чтения

портится зрение. Он всегда побуждал детей оторваться от книг и пойти погулять на свежем воздухе. Хотя, спешу добавить, где его найти в городе-то, свежий воздух? Пожелание моего отца имело философский смысл.

– Мне плохо спится.

– Ничуть, смею заметить, этому не удивлюсь. Все эти грандиозные мысли кувыркаются у вас в голове, как множество камней в полировальной машине, – сказал Сморчок.

«Он что, издевается? – подумал про себя Мох. – Вот сальный прохвост».

– Прошу прощения за беспокойство, сэр, – произнёс Сморчок с таким видом, будто переходит к делу, – но там, внизу, кое-кто пришёл. Не вовсе неприглядная леди, даже импозантная, по сути, и держится соответственно... – Своё ехидное замечание Сморчок сопровождал жестом, словно бы хотел сообщить Моху кое-что на ушко. Глянув через плечо и прикрыв рот ладошкой, он заговорил вполголоса: – У неё, кажется, в головке не все дома, если вы меня понимаете. – Уголки рта у него опустились, лицо стало похожим на рыбью морду.

– Извините, – проговорил Мох и, подавляя желание захлопнуть дверь, продолжил: – Я понять не могу, о чём это вы.

– Ну, скажем, эксцентрична. И никоим образом не склонна к общению с такими, как я. Такое неуважение к моему положению. Дьявольщина, какое-то редкостное проявление нахальства со стороны той, кто безо всякого предупреждения оказался на пороге.

– Господин Сморчок, – перебил Мох. – Чем я могу вам помочь?

– Да, ладно, сейчас, я думал, не соблаговолите ли вы сами повидать эту леди... называю её этим титулом с оговоркой. Она вышла из такси, без сопровождения, и прошла в двери парадной, словно бы по делу. Когда я увидел её во время обхода, она изучала фамилии возле домофона. Но когда я спросил, что ей угодно, она секунд пять молча рассматривала меня, как ручку швабры, прежде чем наконец попросила вас.

– Меня? – Мох, который уже успел войти в транс, встряхнулся и вновь глянул Смorchку в лицо.

– На самом деле, хотя и не по имени, она спрашивала наставника на службе у судьи Сифорта. Странная какая-то. Вы поймёте, когда увидите её, сэр. Не из тех, кого судья Сифорт потерпел бы в этом доме, совсем нет. Судья Сифорт очень разборчив в том, кого впускать к себе.

– Прекрасно, господин Смorchок, я вас хорошо понял. – Мох поднял руки вверх, мол, сдаётся.

– Очень хорошо. Я так и думал, что поймёте. Найдите меня, если понадобится. Я буду в подвале – очищать мышеловки. – Смorchок ушёл, прижимая к себе мешок из грубой ткани. Припадочная собака поколебалась немного, а потом последовала за хозяином.

Мох глянул на люстру, потом прошёл в прихожую: Радужник не рискнул бы послать оцелусов за ним. Случись беда какая, ему придётся встретиться с нею один на один. Посетительница – такого ещё не бывало. На ходу Мох потирал татуировку на запястье.

Несмотря на ужас перед этой механизированной клеткой, он отправился на лифте, а не пешком по лестнице. Внутри кабины, автоматизированной и эстетически чудовищной из-за медных завитков и птичек, он застегнул пиджак и одёрнул рукава. Спускаясь, он принял, как надеялся, внушительный вид. Мысленно отрепетировал несколько фраз, отрывистых, но без неприязни, что позволили бы наладить незнакомку в путь своей дорогой с минимумом вопросов. Лифт остановился, Мох открыл дверь клетки.

Сообщница Агнца стояла, поджидая, в вестибюле. Лево́й рукой она опиралась на украшение в виде креста у основания лестницы. Над нею двигались отражения в стёклах – выходивших на улицу окон. Услышав, как Мох выходит из лифта, она обернулась так, будто её вырвали из мечтательной задумчивости. Одета она была в чёрное пальто с черепаховыми пуговицами поверх серой юбки и кожаные сапоги до колен. При его приближении она сложила руки в лайковых перчатках и вздёрнула подбородок. У ног её стоял обитый медью сундук с ручкой в виде бычьего кольца.

Когда Мох шёл к ней, все заготовленные речи вылетели у него из головы.

– Что вам надо? – спросил он. Каблуки его клацали по паркетному полу. Револьвер впился в поясницу.

– Мне нужно поговорить с вами, – сказала она. – И с Радужником.

– Я Джозеф Лес, наставник у судьи Сифорта, – произнёс Мох, слегка повышая голос. – То есть наставник его детей. – С изумлённой улыбкой женщина стащила перчатку и протянула ему руку. Рука оказалась тонкой и прохладной. Пожатие оказало действие мгновенное и эротичное. В сознании промелькнул образ её обнажённого тела в утреннем свете. Мох подобрался.

– Какого дьявола вы тут делаете? – пробурчал он себе под нос.

– Меня зовут Имоджин. Есть место, где мы могли бы поговорить с глазу на глаз, господин Лес? – В голосе её сквозил лёгкий северный выговор. – Была бы вам очень признательна. – Успокоенный тем, что женщина готова была подыграть, Мох кивнул.

– Оружие вам не понадобится, – шепнула она и вздёрнула брови, когда Мох смешался. – У вас сзади. – И указала, выгнув руку. Мох глянул через плечо и увидел выпиравшие из-под пиджака недвусмысленные очертания, отражённые в большом обрамлённом зеркале. – Так что, мы едем наверх или нам придётся говорить здесь с риском быть услышанными? – На шее Имоджин с цепочки свисал кулон в виде миноги. Точно такой же, какая была выколота у него на запястье.

– Идёмте со мной. Можем на лифте подняться.

– Не откажитесь помочь мне с этим. Он тонну весит. – Мох кивнул и взялся за ручку сундука, немного поздноватое осознавая, что гостя поставила его в невыгодное положение, заняв ему руки. Сундук был тяжёлым, но его вполне можно было двигать на двух непослушных металлических колесиках. Кивком Мох указал Имоджин, чтобы та шла первой. В лифте он с облегчением опустил сундук. Закрыв клетку, надеясь, что Сморок всё ещё вовлечён в деятельность по отлову мышей. Они стояли в неловкой близости, молча, пока лифт со скрипом и стонами поднимался на третий этаж. Когда он остановился, Мох указал на

дверь квартиры.

– Туда. Входите. Я с этим за вами. – Тягаясь с сундуком, он раздумывал, не совершает ли ужасную ошибку.

Общий интерес

Мох запер дверь и провёл Имоджин по квартире в библиотеку. Даже Сморчок не ухитрился бы расслышать их голоса оттуда. С облегчением Мох убедился, что Радужник покинул комнату, хотя и заметил оцелусов, безобидно расположившихся среди стеклянных пресс-папье на полке. По его приглашению Имоджин села в кресло-качалку, повёрнутое к холодному камину. Мох опёрся на каминную полку и предоставил гостье заговорить первой.

– Вы бы сели, а, Мох? – Она сняла левую перчатку, обнажив тонкую руку. Взгляд Моха задержался на простом рубиновом кольце на её указательном пальце.

– Я постою, спасибо.

Имоджин вздохнула.

– Как вам угодно. – Положила перчатки себе на колени. Кожа у неё под глазами отдавала фиолетовым.

– Я ещё не нашёл Меморию. Всего несколько дней прошло.

– Я здесь не поэтому.

Мох засучил рукав, обнажая наколку с миногой.

– Я всё гадала, сколько вам времени понадобится, чтобы заговорить об этом, – сказала Имоджин. – К вашему сведению, я этого не делала. Накололи по настоянию Агнца.

- Член «Красной миноги»? – устало выдавил из себя Мох.
- Нет. Вы должны признать, линия рисунка вполне качественная.
- Весело, – заметил Мох. – В ту ночь, когда вы накачали меня дурью и похитили...
- Мне поручили следить за вами и обеспечить всё, чтобы вы не перестали дышать. Дурь, которую я ввела вам в штольне, была опасная и нестойкая. Потому вы и оказались у меня, чтобы отоспаться от неё. Я вам услугу оказала.
- Услугу? Об заклад побьюсь, вы осознаёте, что это полная чушь. И потом, вы спали, когда я проснулся.
- Извините, – пожала плечами Имоджин, – две рюмки абсента и... – Она смежила веки и уронила головку набок.
- Как вы нашли меня?
- Не тревожьтесь. Агнец не знает, что я здесь. Я была осторожна.
- Мне трудно верить всему, что вы говорите.
- Разумеется, вы мне не доверяете. С чего бы, а?
- Ну и?
- Мне нужно было увидаться с вами наедине. Я не могла расспрашивать Агнца, где вы, а потому я наведалься к Оливеру Таджалли. Мы никогда не встречались, так что с Агнцем он меня не связывал.
- Оливер рассказал вам, где я?
- Не сразу. Мой отец знал отца Оливера давным-давно. Оба они состояли в «Красной миноге». То же связывало Оливера и с Агнцем. – Она умолкла. – С вашей стороны очень умно, между прочим, сосредоточить моё внимание на камине. Ограничивает обзор остальной комнаты. Он здесь?

– Кто «он»?

Имоджин улыбнулась, а потом продолжила, словно бы и не было задано никакого вопроса:

– Я знала, что семейство Таджалли славится покупкой и продажей редких книг сомнительного происхождения. И подумала, что его можно подцепить на хорошую приманку вроде редкой старинной книги и выторговать кое-какие сведения. – Она заговорщически подалась вперёд. – И я оказалась права.

Мох чувствовал, что поддаётся её свободному общению, невзирая на свою настороженность, словно бы они просто вместе забавлялись лишь им известной шутке. Подлец Оливер. С Божьей помощью он прикончит этого идиота.

– Почему вы не хотите, чтобы Агнец знал, что вы здесь?

– Вы довольно скоро это сами узнаете. – Взгляд её устремился на дверь. – Как бы то ни было, Оливеру моё предложение понравилось. – Она извлекла из перчатки визитку Таджалли и повернула её обратной стороной к Моху, чтоб он разобрал написанный там адрес. – «Вам надо наведаться в квартиру судьи Сифорта», – прохрипела она, безукоризненно подражая голосу Оливера Таджалли.

Мох взял у Имоджин карточку и пробормотал:

– Оливеру следовало бы быть осмотрительнее.

– А вы совсем не похожи на ваш портрет в газете, – сказала Имоджин. И опять эта ироничная улыбка. Мох не сразу и сообразил, что она имеет в виду. Потом дошло. В газетах печатали его фото в дни после обнаружения «Брикскольдской ситуации». Фотоснимки двадцати трёх сбежавших узников появились на первых полосах. Газеты создавали впечатление о массовом побеге. На деле же в тюрьме свирепствовала эпидемия, губя охранников и заключённых без разбора. К тому времени, когда Мох уходил, никто не был в состоянии остановить его. В последующие недели двадцать заключённых поймали или убили при преследовании. Тогда уже несчастная фотография его самого в молодости, сделанная во время его приобщения к тюремному населению – сплошной кадык и торчащие уши, – перестала быть новостью.

Мох потерял терпение.

– Это некий вид прикрытой угрозы? Что вам нужно?

– О, Мох, я подшучиваю над вами.

Мох швырнул визитку в камин, где та, упав, всколыхнула пепел. Он всматривался в Имоджин – в движения её губ, изгиб шеи, в яркий румянец кожи под ключицей. Её утончённые манеры до того не вязались с первым впечатлением, что он подумал, уж не близняшка ли она. Имоджин расстегнула пальто. Он отвёл взгляд.

– Не возражаете? У вас тут тепло. – Мох повесил пальто на вешалку у двери. Рука его задерживалась на складах, улавливая остатки тепла её тела. Отпустил. Вернувшись к камину, взял кочергу и смешал визитку с пеплом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Педро Кальдерон де ла Барка (1600–1681) – испанский драматург и поэт, чьи произведения считаются одним из высших достижений европейской литературы Золотого века. Стихотворение приводится в переводе с английского языка (прим. пер.).

2

Чуть более 15 метров (прим. пер.).

3

Акр равен 0,4 га, сорока «соткам» (прим. пер.).

4

Коридалы – крупные насекомые, похожие на стрекоз, нередко с контрастным рисунком из белых или чёрных пятен на крыльях; у самцов верхние челюсти выступают, как у жуков-рогачей, далеко за передний край головы (прим. пер.).

5

Чуть больше 2,13 метра (прим. пер.).

6

«Таджалли?» в исламе – «богоявление». В учении о единстве бытия божество есть единая трансцендентная сущность, являющаяся в бесчисленных образах земного бытия (прим. пер.).

7

Сатурния луна (*Actias luna*) – бабочка зелёного цвета с размахом крыльев до 11 см; передние крылья треугольные с серповидно загнутой вершиной, задней формой своих хвостов напоминают лиру (прим. пер.).

8

12,9 километра (прим. пер.).

9

Более 12 метров (прим. пер.).

10

Биом – совокупность видов растений и животных, составляющих живое население природной зоны (прим. пер.).

Купить: https://telnovel.com/kirk_richard/neobhodimye-monstry

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)